

РАССКАЗЫ Иванова-Петрова

Москва 2020

Александр Александрович Иванов-Петров

Рассказы Иванова-Петрова

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63521126

Рассказы Иванова-Петрова: Товарищество научных изданий КМК;

Москва; 2020

ISBN 978-5-907372-11-5

Аннотация

Это книга коротких рассказов, появившихся в блоге Александра Александровича Иванова-Петрова. Они собраны вместе и разбиты на серии, например, истории о театральной жизни, Зоологические истории, Котовые истории, истории о хомяке и о насекомых, о студентах и прапорщиках, фантастические и небывалые, но все исключительно правдивые. Перечислить все предметы историй трудно – например, есть истории о Гамлете и каменном яйце для мужа, о ведьмах, о пытках и о благотворительности.

Эти рассказы можно использовать очень разнообразными способами: читать между делом, для развлечения, в качестве наказания и для удовольствия, а также их можно не читать. Последнее качество делает их практически незаменимыми.

Содержание

Житейские истории про зверей и людей	5
Фиалковые истории, то есть несколько мясистые	5
Зоологические истории	19
Истории фиолетовоалые, как фуксия, и слегка несуществующие	60
Котовые истории	79
Санкюлотские истории	96
Истории желтые, как рябчики	126
Студенческие истории	135
Истории, частью истинно правдивые	164
Истории синие, как горечавка, про людей в естественных местообитаниях	164
Конец ознакомительного фрагмента.	167

А. А. Иванов-Петров

Рассказы Иванова-Петрова

© А.А. Иванов-Петров, 2020.

© ООО «КМК», издание, 2020.

* * *

Житейские истории про зверей и людей

Фиалковые истории, то есть несколько мясистые

Новая мама

Как-то раз произвел я эксперимент по созданию альтернативной истории. Сразу – с человеком. Тут же скажу что не от большого ума, а по чистому недомыслию, и успокою, что всё, в общем обошлось без последствий. По крайней мере для испытуемого. Мне слегка досталось – но, я считаю, поделом.

Началось всё так. Когда сыну было года три, мы с ним ходили гулять по нашему городку. Ориентировался он тогда очень плохо – что само собой разумеется. И вот как-то вышли мы из дома, гуляем, а он что-то набыченно бурчит. Чего-то ему мама не дала съесть или поиграть, что-то не так одела – в общем, бунт на корабле. Плохая мама, говорит. Вот тут меня и осенило.

Не успев сообразить последствий, я тут же бухнул: «А хочешь, мы к другой маме пойдём?». Сын пожелал узнать, как это осуществимо. Я развил перед ним идею, бесстыдно заимствованную из «Иронии судьбы» – видишь, говорю, какие дома вокруг одинаковые стоят, какие улицы похожие. А внутри, говорю, похожие квартиры. И можно среди всех этих одинаковых коробок найти такую, где все как у нас, и даже мама почти как наша – похожа, по крайней мере. Но, может быть, тебе больше понравится.

Сын по природному трезвомыслию заопасался – а точно новая мама будет нам рада? А игрушки там есть? А кушать нам будут давать? Я его уверил, что новая мама будет весьма рада его увидеть, и он сразу отличит ее от настоящей. Вот мы уходили, мама (старая) была сердитая и усталая, а придём мы к новой маме – она очень обрадуется, увидев нас, сразу бросится сыночка обнимать и кормить. Насчет игрушек я высказался так, что они будут точь-в-точь как те, что остались у старой мамы. Ты, говорю, ни малейшего отличия не найдешь. В общем, всё будет отлично. Только – предлагаю – не надо новой маме говорить, что она – новая. Ей обидно будет.

Сын согласился, хоть и с некоторой опаской. Я вывел его к нашему дому, но с другой стороны, что называется, отвёл глаза. Он с интересом осмотрел подъезд, счёл его похожим на наш старый, изучил лифт, также найдя сходство удовлетворительным. Мы открыли дверь, и – как я и предсказывал

– новая мама оказалась очень хорошо расположена к ненаглядному сыночку, ласково его раскутала, не ругалась, покушать предложила. После вкусного обеда он побежал – не играть, а сравнивать. Примерно через час исследовательской работы он подошел ко мне и, слегка таясь, сказал, что игрушки, действительно, очень похожи, но не его. Точно, он проверил.

Тут я заинтересовался – как это возможно? Однако различия были неопровержимыми. В новом доме паровозик стоял не на столе, как всегда, а был закинут за диван и на нем были царапины, которых раньше не было. Краски были более изрисованы, чем в старом доме, некоторые карандаши невозвратно потеряны, чего в старом доме они себе не позволяли. В общем, число отличий было велико, сын, захлебываясь, излагал мне их, а мне почему-то стало тревожно.

Я спросил, как ему новая мама. Он ее очень одобрил, сказал, что она нравится ему значительно больше, чем старая. Так что он решил – жить мы теперь будем здесь, у новой мамы. Особенности человеческой психики стали меня слегка пугать, и я поинтересовался, не слишком ли новая мама отличается от старой внешне. Нет, говорит сын. Не слишком. В самый раз. Новая немного моложе и красивее, а в остальном самым приятным образом похожа на старую маму, а главное – намного добрее и заботливее, чем старая. Так что, пап, давай здесь жить останемся.

Что делать, пришлось крутить волюну в другую сторону.

Я отозвал сына в сторонку и поговорил с ним, как мужчина с женщиной. Я полностью признал его правоту – новая, конечно, получше будет, тут нет никаких сомнений. Но возникает нравственный момент. Мы уже несколько часов здесь находимся. Вот и обед уже прошел... А старая мама в старом доме, наверное, волнуется. Представляешь, как ей будет одной, без нас? Сын слегка озаботился проблемой, но в целом был не готов отказаться от сладкого житея у новой мамы ради туманных моральных рассуждений. Я еле его уговорил во время вечернего гуляния зайти к старой маме – ну хоть для приличия, попрощаться, что ли. Пожалеть ее. Как она, бедная, без нас будет? Изождалась ведь...

Кряхтя, сын согласился. Мы оделись и вышли на вечернюю прогулку, попетляли по городку и подошли к дому с фасада, с привычной стороны. Молча поднялись на похожем лифте к похожей квартире, где нас встретила изрядно отдохнувшая и повеселевшая старая мама. Сын с достоинством воспринял ужин и остался им доволен. Потом с большим интересом поиграл в старые игрушки, временами указывая мне на их скрытые достоинства, которые в тех, ну – ты помнишь – новых игрушках были отражены в недостаточной степени. Затем тихо спросил меня, когда мы пойдём обратно к новой маме. Я сослался на усталость и поздний час – пора спать ложиться, а не гулять. В общем, уложил его.

На следующий день воспоминания потускнели. Я несколько раз лихо увернулся от разговоров о новой маме

и старался пореже об этом вспоминать. Сын смирился – в конце концов, всё, что происходит с вехом папы, является правильным и легальным. Нету новой мамы больше – ну что ж, старая тоже неплоха. Воспоминания пропадали, и через пару дней я уверился, что он всё забыл.

В целом эта история так и закончилась – со временем все воспоминания изгладились и история с альтернативным домом и альтернативной мамой совсем забылась. По большому счёту – так. Но мне, как зачинщику и горе-инициатору, от судьбы полагалась некая оплеуха. Моя судьба – дама аккуратная, хоть кривая, так что не замедлила.

В ближайшие выходные нам позвонила тёща и, естественно, пожелала поговорить с внуком. Внук с восторгом рассказал ей о последних свершениях. И на одном из первых мест в списке стояло – «Мы с папой ходили к новой маме! Мне очень понравилось! Она добрая и красивая!»

Тёща потом подзывала к телефону жену и пыталась выяснить в осторожных выражениях – что же случилось? А потом жена – в несколько менее осторожных выражениях – выясняла этот вопрос со мной. Я уже не помню, какую альтернативную историю я на этот случай придумал. Может быть, именно эту.

2005

Автор перед зеркалом

То, что пишет автор – образ его... ну, скажем, лица. Понимая это, автор предварительно советуется с зеркалом. Смотрит – нос. А что? очень хороший нос! Просто отличной лепки!

Он приближает лицо к монитору – смотрите! Вот какой у меня нос. – Гробовое молчание, после чего один небрежный читатель замечает: это чё, нос такой?

Автор в панике суетится перед зеркалом, силясь найти выгодный ракурс. Случайно касается монитора большим пальцем. – Град комментариев. Палец! Точно подмечено – как точно! Настоящий большой палец! У меня такой же. Отличный палец. Давай, давай, покажи еще что-нибудь!

Самодовольно улыбаясь, автор торжественно подносит к монитору указательный. – Никакой реакции. Через два дня он обнаруживает в чужом журнале запись – «Автор этот показывает какой-то огурец, говорит, что палец... Дурак, наверное».

Отчаявшись и запустив между бровей глубокую вертикальную морщину, автор прижимается к монитору пылающим лбом. – Четыре страницы комментариев за 20 минут. Пиши еще! Передом повернись! Молодец! Давай дальше!

Автор, дичась, отбегает к зеркалу – проверить, всё ли в порядке.

Падение камня

– Послушай, может быть, падение камня все же можно объяснить силой тяжести, притяжением масс камня и земного шара?

– Перестань молоть чушь. Ты ж учился, стыдно... Ясное дело, падение камня обусловлено низким его рейтингом относительно пиар-компаний более высоко взлетевших объектов. Падения как такового не существует – есть лишь расположение объектов на разной высоте относительно друг друга, что объясняется рекламными усилиями тех или иных социальных групп, в своих целях описывающих данный объект как высокий, высоко расположенный.

– Нет, ты погоди. Я тут нашел на чердаке в старом доме древний учебник физики, там довольно внятно написано...

– Ты не имеешь познавательного права использовать доказательства из книг по физике. Эволюционная эпистемология давно показала, что физика вымерла примерно в 22 веке, последний физик скончался... если память не изменяет... в 2157 г. То есть сравнительная жизнеспособность физики – и прочих наук так называемого нерекламного цикла – оказалась столь низкой, что они не выдержали конкуренции с новыми науками. Не имеет никакого смысла вникать в их доказательства и построения – поскольку вся эта система зна-

ний в целом доказала свою нежизнеспособность.

– Но послушай, ведь если принять те допущения...

– Хватит болтать. Бери ведро и беги – до выдачи дневной воды осталось всего ничего. Пропустишь – все будем сидеть без воды до завтра. А я пойду на крыс поохочусь, в доме совсем нет мяса.

2008

Разговор в автобусе про головы

Женщина спокойно говорит в трубку:...Ну что же вы, нет, так не поступают. Я верю вам, что умерли... Конечно, верю. Но надо отрубить им головы и привезти показать. Ну что вы, нет, иначе деньги нельзя получить, что вы, так не делают... Я понимаю, что уже зарыли. Да, конечно – выкопайте, отрубите головы... Да, и привезите, можно в пакете. Тогда получите деньги. Да, именно так поступают, я понимаю, что вы не знали, но это общее правило.

* * *

Весь автобус внимательно слушает. Лица сосредоточенные. А чего же? Ну в самом деле, мало ли, как жизнь повернется. Кто же знает, как правильно, а тут – опыт, надо знать на всякий случай. Значит, головы отрубить и в мешок, а то

деньги не дадут.

Закончив разговор, женщина замечает направленные на неё взгляды. Некоторое время молчит, сосредоточенно роется в сумке. Потом, коротко взглянув и обнаружив незатихший интерес, в пространство – объясняет: им продали цветы, они у них погибли, они хотят вернуть деньги.

2009

Экономисты с финансистами

Остановка. Рядом ларёк. Подходит женщина несколько бомжеватого вида, спрашивает сигареты какой-то марки. Ларечница невнятно указывает.

– А что подорожали? Еще два дня назад у вас покупала – дешевле были.

– Так кризис.

– Я ваш постоянный покупатель. И раз кризис – должны же дешеветь, а то вы прогорите.

– Раз кризис – должны дорожать, а то мы прогорим.

– Да? Вы что думаете, я – бомжиха? Если хотите знать, я работала экономистом в НИИ (невнятно). Я точно говорю, при кризисе товары должны дешеветь. Вы неправильные цены поставили!

Ларечница в ярости высовывается из окошка наполовину, едва не упираясь в разъяренное лицо бомжеватой покупательницы:

– Что? Думаете, я все время вам тут сигаретами торгую, с рождения? Между прочим, я финансовый аналитик, специализировалась на динамике капитала в... рынка... (невнятно)...

2009

Чистота нравов

Трясаясь в разбитом уссурийском автобусе, медленно петляющем меж сопками от самого Владивостока, я невольно наблюдал картину ухаживания. Сиденья в автобусе смотрели назад, и двадцать теток с оловянными глазами, каждая с корзинкой на коленях, смотрели назад, а на пустой задней площадке, на огромной автобусной шине, расположились – портовая проститутка и пьяненький морячок. Дама, видимо, была не до конца уверена в том, что клиент не сорвется, и потому хрипло смеялась и пыталась заглубить руку партнера себе под подол. Сидели они рядом, бок о бок, так что требуемое движение выворачивало руку в немыслимых местах – морячок вырывался, мутнел, икал, матерился, ему было жарко и плохо. Злая перебранка вновь сменялась хриплым смехом, и тянулось это часа полтора, пока автобус не остановился в промежуточном сельце – чтобы пассажиры могли размять ноги, а местные жители присоединились к поездке в славный Уссурийск. Пассажиры – тетки из окрестных деревень – разбрелись по пустой площади, запертой деревянными

ми заборами и витринами магазинов с огромными замками на дверях. Очень хотелось курить и по возможности убрать с глаз пустынную площадь. Рядом у забора росли редкие кусты, я зашел в них, достал беломорину... За кустами виднелась глухая, без дверей, сторона автобуса, который закрывал происходящее от площади. Там, у автобуса, слышалась какая-то возня, и сдавленный женский голос шептал: «Не надо, ну не надо, увидят же, неудобно...». Я решил покинуть свою позицию и уйти на лысую площадь, и тут в прогале кустов увидел – ту парочку, моряка и проститутку. Они стояли у задней стены автобуса, он протягивал ей вскрытую пачку сигарет, приговаривая: «Да я же знаю, что тебе невмоготу, ну покури, здесь не видно...».

2004

Бабочкарий

Вы, наверное, помните: – Бэрримор, кто этой ночью так жутко выл на болотах? – Ваша жена, сэр. Свозили бы вы ее на море.

Жена моя, устав выть на болотах – это утомляет, если вы не знали, – нашла выход. Она решила купить бабочкарий. Потрясающая возможность. Тропические бабочки в вашей комнате. Вихрь красок и запахов лета под вашим потолком. Заменяет Таиланд и полЕгипта с Мальтой впридачу. Настроение становится тропическим, жизнь удалась, стоит гроши.

Долго ли, коротко ли, но она перевела деньги и радушный доставщик привез ей купленный бабочкарий.

Мне были поручены технические детали по сборке и размещению готового продукта. Сначала я пошел и купил такую сетчатую фигню, типа как бы клетки, по виду напоминающей переноску для кошек, но более хилую – это дело должно висеть и содержать ферму бабочек. В магазине фигня продавалась в виде вместилища для одежды, которую нужно стирать. Но вполне годится для бабочек.

Потом я приладил этот кусок пространства, ограниченный сетчатой ниточкой, на палку. Кусок пространства висит, свободно покачиваясь. Внутри него был помещен некий фирменный цилиндр, типа скрученной целлулоидной пленки. На дне цилиндра – разноцветные пластмассовые комки, это гидрогель. Типа цвет нашей земли. В центре мои суровые мозолистые руки пронизали цилиндр пластмассовой палочкой с диском – самой сложной деталью бабочкария. В диске – отверстия.

Теперь решающий момент. Бабочкарий включает малую картонную коробочку, куда трепетные руки сотрудников фирмы положили куколки бабочек. Целых три. Одна зеленая и ребристая, а две коричневатых и в шипиках. Каждая куколка мало что собрана, избрана и помещена, к ней еще приклеен пластмассовый крючок. За эти крючки куколок надо развесить, продев в дырочки упомянутого выше диска.

Бабочкарий готов. Вниз головой висят три куколки. На

крючках. Внутри сунута пластиковая сетка до дна. Замысел прост. Бабочка вылезает и висит, цепляясь за собственную куколочную шкурку, силясь понять, где она и расправить крылья. Потом она падает, суматошно цепляясь за пластиковую сеточку, по которой медленно сползает на дно бабочкария.

Читая инструкцию к прибору, заменяющему Турцию, Таиланд и прочие земли, закрытые очередной казнью апокалипсиса, я обнаружил строки, включающие мудрость Библии, Корана и всех буддийских заблуждений, а также чуждые нам учения Конфуция и Лао-цзе.

Там рассказывалось, что после рождения каждой бабочки следует вымыть весь бабочкарий. Потому что после вылупления бабочка обкакивается. Потом порядочная бабочка должна ободриться, расправить крылья и взмыться в небо, используя в качестве последнего цилиндр бабочкария. Подождав, можно приступать к кормлению бабочки. Для этого, легко ее придерживая, надо чем-то тонким расправить ей хоботок, раскрутить его, размотать, поскольку в естественном состоянии он собран в тугую спираль. Затем раскрученную бабочку следует поместить кончиком хоботка и передними ножками в каплю специального бабочкиного корма, заботливо предоставляемого вместе с прочей пластмассовой лабудой бабочкария. Правильно раскрученная бабочка перестает нервничать и начинает сосать сироп.

В этом месте дюжинная инструкция бы заканчивалась,

оставив читателя наедине с его бедами. Но читатель инструкции, он же пользователь бабочкария – вполне реальный человек. Подумайте, какво ему. Он собрал своими мозолистыми руками и целлулоидный цилиндр, и этот диск, и эту палочку, он продел куколок за крюпочки. Он сидит перед бабочкарием, видя тихо раскачивающиеся мгновения своей жизни, думая о том, сгниют ли гусеницы, засохнут – или вылупятся, покинув оболочку. И упадут на дно бабочкария. А потом? Что потом?

Инструкция не оставляет читателя в бедственном его состоянии, не оставляет его сидеть, понурясь, в ожидании вылупления, вспоминая личиночную его жизнь со всеми неловкостями и недоработками. Инструкция дает надежду. Она сообщает, что случится потом. Я не буду говорить это своими словами. Вы должны прочесть это в точности так, как сказано в этой инструкции:

«Если при рождении бабочка упала вниз и не расправила крылышки, значит, бабочка была слабой».

Сообщается, что крылышки уже не расправятся.

Я называю это знанием.

2020

Зоологические истории

Правила безопасности и этичность поведения

В начале 80-х годов поехал я в экспедицию в Приморье вместе со своим шефом, старшим научным сотрудником, именовать которого подобает Николаем Гавриловичем Кознышевым. Будучи главой экспедиции, Николай Гаврилович распорядился, чтобы я ни в коей мере не терялся в тайге, нарушая отчетность а, напротив, экскурсировал неподалеку от него. Однако в лесу соблюдать эту максимум весьма сложно, особенно – если не просто ходишь а, к примеру, собираешь редких жуков, переворачивая валежник и ползая вокруг пней. Поэтому Николай Гаврилович издал приказ по экспедиции: буде один из нас потеряет другого из виду, в панику не впадать, а кричать погромче, давая тем криком направление ищущему.

Как понятно, пройдя километров 15 и достигнув заповеданного места, удобного для лова, мы вскоре разошлись и потерялись. Я обнаружил этот факт, подняв голову от одного из пней и не обрета Николая Гавриловича в радиусе 20 метров. Вокруг стояла стена кустов... Верный долгу, я прошел несколько десятков шагов, надеясь увидеть Кознышева, вышел на край какой-то светлой прогалины, утвердился на

невысокой кочке и что было сил заорал: «Никоо-о-олаа-ай Гаа-аври-илоович!!». Тут же у меня под ногами послышался слабый стон и треск веток. Опустив глаза, я увидел Николая Гавриловича, лицом бледного и свирепого, который слабо шевелился, сидя на пятой точке.

Придя в себя и оправившись от последствий акустического удара, Кознышев отчитал меня: не следует так орать, когда старший коллега, можно сказать, в двух шагах, причем отнюдь не следует крадучись подходить к доценту и старшему коллеге сзади, когда тот, ничего не подозревая, разглядывает старые ходы короедов, и неожиданно орать ему в ухо, стремясь вызвать сердечный приступ. Это неэтично.

На следующий же день я учел указания руководителя. Вместо того, чтобы упираться глазами в жуков, я приглядывал за его перемещениями, стараясь не теряться, и вовремя появляясь в поле его зрения, когда он начинал подавать признаки беспокойства и вертеть головой. Все шло отлично. Пройдя несколько шагов, я нашел небольшую – по колено – впадинку, в которой была привлекательная валежина с отставшей корой. Кознышев сидел шагах в тридцати, осторожно погружая в пробирки пойманных личинок. Я сел лицом к нему, чтобы ни в коем случае не потерять начальство из виду, и принялся рассматривать нижнюю сторону ствола.

Кознышев встал, глянул в мою сторону, и медленно направился ко мне, попутно осматривая листья кустов. Я решил, что он хочет что-то сказать, и терпеливо ждал его при-

ближения. Подойдя к моей впадинке и встав от меня сантиметрах в сорока на бугорок, Николай Гаврилович вдохнул побольше воздуха и заорал: «У-у-у-а-а-ааа!!!» Помня о нервности начальства, я кричать в ответ не стал и тихо, вежливо сказал: «Я здесь, Николай Гаврилович». Кознышев странно ёкнул, подпрыгнул на своем бугорке и тихо опустился на колени. Отдышавшись, Николай Гаврилович строго объяснил мне, что не следует превращать научную экспедицию в балаган, при виде приближающегося старшего коллеги следует подавать (тихие!) звуковые сигналы, позволяющие загодя увидеть напарника, и вовсе не следует затаиваться, вредя здоровью и нервам кандидата наук и доцента. Это неэтично.

С тех пор мы старались не очень соблюдать так и не отмененный закон по экспедиции. Это, в свою очередь, не могло не возыметь печальных последствий.

2004

Как я обернулся медведем

Как-то мы с моим начальником, Николаем Гавриловичем Кознышевым, крупным ученым и доцентом, поехали в экспедицию на Кунашир. Остров, конечно, совершенно замечательный, но рамки этой истории чрезвычайно узки – километров три-пять вокруг пункта Менделеево, состоявшего из брошенных казарм, гостиницы для неприлетающих сюда

летчиков и домиков жен комсостава. Жили мы в гостинице, а прямо за ней находился огромный и пре-глубокий овраг. За ним начиналась карусель полян, заросших густым бамбуком, перепутанных с рошицами всевозможных деревьев. Было очень удобно собирать насекомых – лес был тут же, стоит перебраться через овраг.

Тот наш поход начался весьма оптимистично – Николай Гаврилович вскоре после выхода нашел что-то ужасающе редкое и отсутствующее в его коллекции, возбудился и нырнул в рошицу, отдав команду «За мной!». Я воспоследовал, но недостаточно быстро – отвлекся на какого-то забавного жука, потом пошел за ним, прошел пятьсот метров, еще пятьсот – и понял, что Кознышева впереди меня нет. Случилось страшное – я потерялся.

С облегчением установив этот вопиющий факт нарушения дисциплины, я отправился далее, вышел на неплохое место, набрал занятный материал и решил, что пора возвращаться. Настроение было прекрасным. Начал накрапывать мелкий дождик, бамбук шелестел, я вышел на проселок с мелкими лужами. Никакого сравнения со среднерусской природой – бамбук шелестит не так, как осока. Это была вовсе не русская тоска, а именно светлая мо-но-но аварэ, в голове сами клубились какие-то японские строчки... Проселок неминуемо должен был вывести меня к Менделеево, поскольку больше ему просто некуда было деваться.

Часа через два я вышел к родимым казармам. Едва я рас-

пахнул дверь гостиницы, на меня бросился Кознышев. Он что-то кричал, гримасничал, махал руками... Я не мог разобрать ни слова. Вмазав по хрупкой гостиничной стенке кулаком, Кознышев выбежал из комнаты. За плиткой сидел приехавший с нами студент, меланхолично помешивавший манную кашу. Ею мы питались, поскольку Николай Гаврилович страдал желудком, а врожденная демократичность не позволяла ему допускать, чтобы в экспедиции начальник питался иначе, нежели вверенные его заботам подчиненные.

«Это он уже отошел, – сказал студент. – Сначала хуже было». Выяснилось, что через полчаса после нашего ухода в комнату вломился Николай Гаврилович, причем произносил он только два слова – мое имя и «медведь». Минут через пятнадцать его речь стала более связной и гневной, и он поведал студенту жуткую историю. В лесу, обнаружив, что меня нет, он начал кричать. Издалека ему отозвался голос. Ободрившись и решив, что я не совсем потерян для экспедиции, Николай Гаврилович пошел на голос, иногда крича для проверки направления. Голос исправно отзывался. Приблизившись к источнику, Кознышев выкрикнул в последний раз и раздвинул бамбук. Перед ним сидел здоровенный медведь.

В первой версии, рассказанной студенту, факты были сообщены таким образом, что я, желая смерти руководителю экспедиции и доцента, подманил его и обернулся медведем. Откуда у меня такие способности, не уточнялось – Кознышев был ученым-материалистом и верил фактам. За-

тем, немного погодя, при повторных пересказах, облегченных большими порциями брани, история стала видоизменяться. Ко времени моего прихода она приобрела каноническую версию, которая мне затем не раз и вменялась: желая погубить научного руководителя, я нашел медведя, подманил Николая Гавриловича голосом и в ответственный момент спрятался за медвежью спину, надеясь на несчастный случай. Однако врожденная интеллигентность медведя, сугубо почитавшего ученых-биологов, а также крайняя резвость Николая Гавриловича сорвали мои злодейские планы. С моей стороны это было неэтично.

Николай Гаврилович потом со мной несколько дней не разговаривал, лишив ценного научного руководства, а студент, если попадал в последующие годы в одну экспедицию со мной, никогда не забывал рассказывать новым участникам экспедиции о моих особенных свойствах и рекомендовал меня не сердить – с медведем-оборотнем шутки плохи...

2004

Как мы напугали медведя

Как-то во время экспедиции в Приморье нам представился счастливый случай – была попутная машина на дальний кордон Уссурийского заповедника. Отправились мы туда втроем – старший научный сотрудник доцент Кознышев, я и Алексей, человек немалого роста, весьма внушительных

габаритов, который обитал в ту пору на Камчатке, занимался короедами и приехал в Уссурийский посмотреть местную фауну.

Высадили нас на развилке, от которой через лес шла дорога к кордону. Кознышев отправился первым, торопясь изучить местность и наметить план дня, а мы с Алексеем приотстали, неспешно бредя по дороге и беседуя. Вокруг стояли здоровенные ильмы, а у обочин дороги метра на два-три вздымались стены кустов, обрадовавшихся свету.

Шли мы себе, разговаривали, и тут Алексей заметил в лесу, в каких-то 20 метрах от дороги, здоровенный засохший ильм. Инстинкт короедчика тут же пробудился – под старой корой можно было найти много интересного. Мы свернули с дороги и стали проламываться сквозь кусты – Алексей впереди, а я следом.

Выломились к старому дереву, сделали шаг... Сверху раздался рев, треск, что-то хряпнулось перед нами, темное мелькнуло, исчезло – и раздалась оглушительная вонь.

Набор чувственных впечатлений расшифровывался просто. Небольшой черный медведь слышал нас издали. Когда наши голоса стали слышнее, он решил не рисковать здоровьем и убрался на ильм. Однако жуткие двуногие, предводительствуемые верзилкой, ломанулись прямо к его убежищу. Он терпел до последней секунды, надеясь – пройдут, не заметят... Куда там. Страшно ругаясь и ломая кусты, великан вышел прямо к медвежьему дереву. Оставалось только

бежать. Испуганный медведь махнул на землю и наддал.

Мы стояли у ствола, ошарашенные и окруженные невесть откуда взявшимися здоровенными лепехами свежего навоза. Честность заставляет меня сказать, что мы не бежали, нет – мы спокойно развернулись и пошли обратно к дороге. Почему-то идея ворошить старую кору рассосалась – в конце концов, еще множество удобных деревьев было в заповеднике, и вполне можно было выйти на дорогу, на свет, покурить, выбрать место поудобнее...

2004

Торт и судьбы Украины

В начале 80-х годов мы с моим замечательным руководителем Николаем Гавриловичем Кознышевым работали в столичном зоологическом учреждении. Николай Гаврилович высоко ценил этот факт, привечая молодых коллег и по мере сил патронируя командировочных с периферии. При этом Кознышев отличался крайней честностью и принципиальностью, что и привело к печальному финалу этой истории.

Как-то раз к нам приехал энтомолог из Киева, оказавшийся – для того времени это было весьма странно – горячим сторонником независимости самостийной Украины. Он исследовал жуков-плавунцов и горячо ратовал за предоставление автономии родному краю, рассказывал о преследовании

ях, которым он подвергается в качестве принципиального борца (кажется, им был недоволен руководитель лаборатории) и особенно отмечал, что со стороны большинства русских он встречает великорусское чванство в ответ на провозглашение права наций на самоопределение. Николай Гаврилович был на высоте – он пил с украинским коллегой чай, сочувственно выслушивал многочасовые истории о несправедливостях и живо интересовался фауной плавунцов Украины.

Наконец, командировка киевлянина закончилась. Наш коллега пришел праздничный, высокопарно поблагодарил за необычное со стороны столичных жителей хорошее отношение, специально подчеркнул, как много он встречал в Москве несправедливостей и непонимания, сколько пренебрежения и оскорблений ему пришлось вынести, в то время как мы... (собственно, Николай Гаврилович) показал себя истинным джентльменом. Закончив речь, коллега извлек из-за спины большой круглый торт, перевязанный тонкой пластмассовой ленточкой, и торжественно преподнес Николаю Гавриловичу. Высокие стороны несколько раз передавали торт из рук в руки – Николай Гаврилович не мог принять столь ценный подарок, украинский коллега не мог не поблагодарить за гостеприимство... Победа осталась за Украиной, торт уверенно перекочевал к Кознышеву коллега откланялся и вышел вон.

И тут Николай Гаврилович проявил щепетильность. С со-

мнением глядя на торт, он сказал, что по здравом размышлении не может принять вещь, похожую на взятку, но вернуть торт ему самому не позволяет его высокое положение. Поэтому я должен, как младший коллега, взять означенный торт, догнать самостийника и вручить ему торт обратно, невзирая на его протесты. Я пытался возражать – ведь торт был недвусмысленно подарен Кознышеву но шеф был непреклонен. С тортом в руках я ринулся догонять киевлянина.

Он не успел уйти далеко – я догнал его на длинной лестнице. Резко свернув на площадке, я увидел его внизу, хотел сказать что-то вежливо-останавливающее, но не успел. Проклятый торт оборвал пластмассовые тесемки, выскочил на ступени и колобком заскакал вниз, к ошеломленному мировой подлостью киевлянину. Весело допрыгав до нижней ступеньки, торт самым ехидным образом прошелся на ребре вокруг остолбеневшего украинца и мирно улегся прямо к его ногам.

Борец за независимость Украины повел себя в высшей степени благородно. Он мягко, с глубокой тоской поглядел мне в глаза, промолвил: «Зачем же Вы так...» и удалился. Я медленно спустился вниз, поднял торт. Он, как ни удивительно, совсем не помялся, и даже кремовые розочки были абсолютно целы. Я положил его на урну и отправился к шефу, полный самых черных предчувствий относительно судьбы Украины – докладывать о провале возложенной на меня миссии. Я чувствовал себя как-то неэтично.

На следующее утро я встретил уборщицу, которая радостно рассказала, что какие-то дураки вчера выбросили отличный торт, очень вкусный и совершенно свежий. Они его вечером съели всей семьей, пригласив гостей – торт был отличный.

2004

Кодовые обозначения и наука о живом

Приморье – удивительный край, в нем водятся крайне редкие жуки. И поэтому нет ничего странного, что мы с моим шефом, доцентом Николаем Гавриловичем Кознышевым, поехали туда в экспедицию. Николай Гаврилович сразу, уже в самолете, меня предупредил – во избежание недоразумений, что он – начальник демократичный, и хотя многие сваливают на младших коллег всю хозяйственную работу, лично он относится к такой практике отрицательно и стремится делить всякую работу поровну, что бы это ни было – даже чистка картошки.

Это оказалось полностью соответствующим истине. Работы были распределены строго поровну. При этом в каждой хозяйственной работе оказался, так сказать, интеллектуально-управленческий элемент, а также момент грубо-материальный. Например, относительно той же картошки следует решить, достаточны ли ее запасы, следует ли ее подкупить, а также – пора ли уже начинать готовить. Все эти заботы Ни-

колай Гаврилович сразу взял на себя, оставив на мою долю совершенно простую чистку – тем более сколько ее там, этой картошки, на двоих – пять минут, и все готово. А свою часть работы Николай Гаврилович делал со всей серьезностью и ответственностью, и тратил на это значительно больше времени.

Эта самая картошка и была, фигурально выражаясь, первой ласточкой, познакомившей меня с глубинами жизненных ситуаций. Как-то в середине дня, когда мы уже часов шесть переворачивали вверх дном склон безымянной сопки, Николай Гаврилович вдруг обратился ко мне: «Я думаю, – сказал он, отмахиваясь от комара, – что картошки нам хватит, больше покупать не нужно». Я прикинул и согласился. Что-то там в ящике на дне каталось, до конца недели вполне могло и хватить.

Когда мы вечером вернулись в наш домик, пребывавший в состоянии бесконечного ремонта и потому безвозмездно отданный нам начальством леспромхоза, я приготовил скромный ужин, а затем засел мыть посуду. Николай Гаврилович с растущим недовольством наблюдал за моими действиями и наконец осведомился, какого черта я не иду покупать картошку, о чем мы давно договорились. Я изумился, и ситуация разъяснилась.

Оказывается, огромный опыт Николая Гавриловича позволил ему открыть – не то чтобы мировой закон, но вполне весомую эмпирическую закономерность. Он особенно под-

черкнул, что то, что он имеет сказать, не имеет никакого отношения к суевериям и прочей досужей болтовне, а является просто эмпирически подтверждаемой стороной непознанного в нашем мире. Итак, Николай Гаврилович открыл правило, согласно которому все, что он предполагает, все, на что он надеется – все это сбывается ровно наоборот. Стоит ему, Николаю Гавриловичу, высказать некое предположение – как тут же всё течение мировых событий приобретает такой ход, чтобы привести к прямо противоположному результату.

Как истинный ученый, Николай Гаврилович совершенно спокойно отнесся к этой объективной стороне бытия и просто разработал несложный способ обходиться с мерзостью природы. Всякий раз, когда ему требуется сделать некоторое высказывание, он говорит нечто обратное тому, что хочет сказать – и все получается в наилучшем виде. Ко мне же эта связь Николая Гавриловича с законами мироздания имеет то отношение, что когда он давеча говорил мне, что картошку покупать не следует, он мне подмигнул, что я в силу невнимательности принял за комариный укус (а он, Николай Гаврилович, обладает сильной волей и никогда не обращает внимания на комаров, не меняясь в лице даже при самых жестоких укусах, так что я сделал совершенно неправильный, почти неэтичный вывод о его поведении).

Подмигивание же Николай Гаврилович изобрел для общения с прочими людьми – когда он говорит нечто не про-

сто так, а обратное тому, что хочет сказать, из-за той связи с законами природы, о которой он только что рассказал, то он в означенных случаях подмигивает, чтобы люди знали, что он говорит не то, а совсем другое, если я его, разумеется, понимаю. Я осторожно заметил, что стоило бы людей предупредить, не все обладают должной сообразительностью – и тут же узнал, что меня вот только что предупредили, так что мое предположение, будто Николай Гаврилович не понимает такой простой вещи, было неэтичным.

Уф. Я направился к бабке через два дома и купил у нее десять килограмм, но дело не в этом. Мне почему-то казалось, что над моим будущим сгустились тучи. Без всякого высказанного желания с моей стороны это, действительно, сбылось.

В следующие дни я занимался тем, что дешифровывал мимику Николая Гавриловича. Я постоянно ошибался. Подлость мироздания проявлялась в том, что когда, как мне казалось, Кознышев мне подмигивает, это в действительности было не относящимися к делу, так сказать, не сигнальными движениями, вызванными натертой пяткой или впившимся в бок сучком. И наоборот – я частенько не замечал яростных, просто-таки серийных подмигиваний, принимая их за сосредоточенную работу мысли или реакцию на укусы слепней (на них Николай Гаврилович, как мне казалось, весьма реагировал, но спрашивать, так ли это, я поостерегся).

Результатом моего непонимания явилось полное разру-

шение нашего хозяйства. Я покупал не то, не тогда и не так, как этого желалось Кознышеву и тем самым не справлялся с той равной долей возложенных на меня хозяйственных работ, о которых шла речь ранее. Я непрерывно вел себя неэтично, заставляя Николая Гавриловича изобретать все более сложные системы связи, которые должны были наладить коммуникацию, но почему-то окончательно ее разрушали. Венцом моей разрушительной деятельности явился несанкционированный начальством отъезд во Владивосток.

Дело в том, что выбраться из Приморья в те годы было нелегко, а ведь экспедиция – дело подотчетное, и прибывать из нее надлежит день в день, как то запланировано директором учреждения за полгода до того. Чтобы добиться этого результата при полной недееспособности средств транспорта, надо не пренебрегать ни малейшей возможностью и несколько раз ездить в аэропорт, узнавать о билетах, вписываться во всевозможные очереди – в общем, вести активный образ жизни отъезжающего.

Все эти действия следовало согласовывать с Кознышевым, дабы он, со своей стороны, официально разрешил мне отправиться во Владивосток разузнать насчет билетов, включив эту мою отлучку в им составленный план экспедиционных работ. План этот был столь сложен, что один раз попытавшись в нем разобраться, я более никогда не повторял этих попыток. Во время очередного потрошения валежника Николай Гаврилович сообщил мне, что мне не следует

ехать завтра во Владивосток, как мы о том договаривались ранее. При этом заявлении – клянусь! – Николай Гаврилович яростно подмигивал мне. Разумеется, я его понял.

На следующее утро я встал в пять утра, бодро направился к единственной остановке, от которой в шесть отходил единственный в сутки автобус, способный довезти сельчанина до Уссурийска. Я отправился в город, сходил там в баню, потолкался у билетных касс, выяснил положение с рейсами, посочувствовал работникам транспорта, у которых вот уже пятый день не было керосина, отчего самолеты не летали, скорбел вместе с плотным товарищем, опаздывавшим на похороны в Харьков... Все равно обратный рейс был возможен только поздно вечером.

Ночью я добрался до нашего домика в отдалении от городской суеты, – и оказалось, что Кознышев сменил коды. Две серии подмигиваний по три раза каждая означало как раз не обратное, а прямое понимание сказанного, так что мне моим непосредственным начальником и старшим коллегой было недвусмысленно запрещено отправляться в город, поскольку на следующий день был запланирован важный маршрут, во время которого я должен был тридцать километров переть на себе оконную ловушку со вставленным стеклом (это – в наших условиях – два полена, на которых укреплена половинка оконного стекла; вроде и ничего, но нести это дело приходится на вытянутых руках перед собой для вящей сохранности, так что с седьмого километра руки здорово зате-

кают). Тем самым мною был сорван важнейший экспедиционный маршрут, что нанесло ущерб личным научным планам Кознышева – что не столь важно с некоторой точки зрения, но, главное, обрекло на незнание дальневосточной фауны мировую науку, представленную здесь в лице Николая Гавриловича, а вот это было уже совершенно неэтично.

В последний, проверочный рейд во Владивосток Николай Гаврилович меня не пустил, и потому, когда я приехал в аэропорт в день посадки, оказалось, что рейс отменен, о чем, собственно, все знают, и надо перерегистрировать билет, что уже поздно, потому что это делали вчера. Я все-таки вернулся тогда в Москву, но это была уже совершенно отдельная история.

2004

Зоологическая история о несостоявшемся ужине

Будучи погружен в поиски насекомых, я как-то не обратил внимания на беспокойство жителей поселка – у них, оказывается, появился тигр. То есть он, видимо, где-то был, но вот пришел к ним. И его видел и дядь Петя, и главлесничий, и даже баб Зина. Опытные люди наблюдали следы, а люди попроще видели прямо самого тигра. Рассказывали, что он съел собаку дядь Бори, вот прямо тут, через улицу, на участке, отличный был Бобик – дядь Боря это слышал и сидел на-

стороже всю ночь на кухне. И вот все эти истории прошли мимо меня, и мне их рассказал, собственно, Кознышев – мы как раз вышли в маршрут на дальнейшее лесничество, и Кознышев объяснял мне, что именно сегодня как никогда важна осторожность, дисциплина и этичность поведения.

Я был несколько смущен – прежде мне не приходилось соотноситься с тиграми ни в каком качестве. Я спросил, так что ж делать-то, если он вот прямо вокруг рыщет? Коротко взглянув на меня, Кознышев указал на длинный нож, используемый для отдиранья старой мертвой коры от стволов – и значительно усмехнулся. Настолько значительно, что я не посмел уточнить, что же он имел в виду – мысль о том, как я отбиваюсь от тигра ножом, при всей моей романтичности не могла во мне укорениться.

Потом, через много часов жары и дороги, мы нашли полкосули. Совсем свежие еще полкосули, практически горячие. Кознышев определил, что тигр убил добычу, поел и удалился отдыхать, поэтому трогать полкосули не следует, хотя, между прочим, в свежей падали можно было бы обнаружить несколько интересных видов, но надо приноравливаться к условиям сбора – и быстро уходить. И мы быстро ушли от полкосули, не трогая её.

А когда мы осмотрели и облазали далекую просеку и пришла пора возвращаться, – надвинулись тучи и ливанул дождь. Дождь был редкостной силы – в самом деле стена воды, рёв ливня перекрывал все звуки. Промокшие насквозь,

мы брели по дороге в лесу, не видя ничего дальше нескольких метров. По бокам дороги стояли стены высоких кусов, под ногами – коричневые лужи, сверху – опрокинувшаяся река.

Первым на нас выскочил барсук. Он пёр не разбирая дороги, ткнулся чуть не в ноги, фыркнул и улез куда-то вбок. А еще через полчаса мы встретились.

Привычно глядел в дождевое месиво перед собой. Ничего, коричнево-зеленая мешанина. Сморгнул. Посреди дороги, в профиль, стоит огромный тигр и, повернув голову, на нас смотрит. Сморгнул. На дороге ничего нет. Не было ни движения, ни напряжения мышц – просто вот стояла картинка, а вот нету. Помявшись, прошли несколько шагов до того места, где он был – в жирной грязи огромные отпечатки лап.

Делать было всё равно нечего, пошли дальше. Кознышев для уверенности держал руку на рукоятке почвенного ножа, я же вертел головой. Ничего не было видно – тот же всё скрывающий шелест дождя, зеленые стены кустов. Когда прошли поворот, я оглянулся – из-за поворота, как из-за кулисы, торчала любопытная башка. Посмотрел вслед и сразу скрылся.

Кознышев отметил нашу вооруженность и готовность к встрече с неизведанным. Я же думаю, дело было в ином. У нас собой был формалин, которым мы щедро пользовались для заправки ловушек, и воняло от нас, я думаю, так, что мысли об ужине не задерживались. Ну и сытый он был.

Серый остров

Сахалин – серый остров – я помню только таким, каким был он в 80-е, потом меня туда судьба не заносила. Надеюсь, что он изменился.

Я был там несколько раз, но особенно долго, когда пытался добираться с Кунашира в Москву. Пароход, реквизированный у немцев после второй мировой, доплюхал до Южно-Сахалинска, и мне предстояло полторы недели ждать рейса во Владивосток. Неприятность ситуации заключалась в том, что жить мне было негде и денег у меня совсем не было. То есть в кармане бренчало что-то около трех рублей, с которыми думать о гостинице было бессмысленно, даже если бы туда пускали без предварительной брони за два месяца.

Июльским утром я ступил на землю, тут же почувствовав качку. Следующие несколько часов площади, дома и дороги качались вокруг меня, и я послушно выписывал кренделя, принаравливаясь то к бортовой, то к носовой. Это отзывались двое суток плавания. Думая о том, как бы переночевать, я направился в местный институт. Мне тогда казалось, что иного способа обрести кров нет – где же еще помогут оставшемуся без крыши зоологу, как не в научном учреждении? Институт располагался далеко от порта, на другом конце города. С трудом добравшись туда, я узнал, что сегодня выходной (и в самом деле! Совсем в экспедиции со счета сбил-

ся), никого нет. Я назвал фамилию одной дамы, доктора наук, которую в жизни не видел, и только читал несколько ее статей. Более близкой степени родства у меня на Сахалине не было. Вахтер, посумлевавшись, сообщил, что по его разумению субботним днем дама должна пребывать на дачном участке, опять же на противоположной окраине города. Делать нечего – я отправился туда.

Уже в сумерках я доковылял наконец до дачных домиков далеко на окраине. Собственно, домиков еще не было – пока шло строительство. Вокруг чернели ямы под фундаменты, высились стены без крыш и столбы, обозначающие границы участков. Было тихо и безлюдно. Мне все же удалось отыскать аборигена, который вспомнил фамилию дамы и сказал, что ее хатка – «где-то там». Отправившись по адресу, я нашел, конечно, только стены будущего дома – а дамы, ее соседей, друзей и прочих двуногих не наблюдалось.

Пока я прикидывал, смогут ли стены уберечь меня от ночных заморозков, искал хворост для костра и вспоминал, где я видел в городе места, подходящие для ночевки, судьба вспомнила обо мне, послав человека. Это был плотного телосложения полупьяный строитель, по неизвестным ему самому причинам проходивший мимо. Я рассказал ему мою историю, и он щедрым жестом пригласил меня к себе – сначала мы вместе выпили, а потом, укрепив взаимное доверие, он оставил меня ночевать в своем новом доме.

Наутро хозяин, проснувшись, увидел меня и кротким ба-

сом осведомился, кто я таков и что здесь делаю, в его новом доме. Мы выпили, вспомнили друг друга и договорились, что необходимые мне полторы недели я буду жить у него. Собственно, решение это было принято моим хозяином неспроста. В процессе дружеского общения он предложил мне сыграть в шахматы. И верно – ничто так не сближает... Достал доску, расставил – и я выиграл. Хозяин нахмурился. Предложил еще партию – и снова проиграл. Хозяин высказался в том смысле, что всякие приبلуды должны помнить свое место, кто им кров дал, и где они следующую ночь ночевать собираются, и играть соответственно. Я понял и напрягся.

Расставили, я очень старался, но опять выиграл. Хозяин мой закручинился и посоветовал мне пойти по своим делам. Я обратил его внимание на его исключительную щедрость, природную доброту натуры и отчетливо сквозившее благородство души. Это заставило хозяина снова обдумать свое решение, и он предложил мне сыграть еще одну, проверочную партию. Полторы недели на улице живо стояли перед моим умственным взором, я слегка волновался и поэтому, наверное, недостаточно внимательно следил за игрой. И опять выиграл. Положение стало вполне критическим, но спас меня, разумеется, именно хозяин.

Пока я с горечью вспоминал упущенные возможности – можно было вот тогда отдать ферзя, недоглядел, а вот тогда можно было не заметить атаки, – хозяин вдруг встрепе-

нулся и выбежал вон, приказав мне: «Сиди!». Вернулся он быстро, и привел с собой троих мужиков – друзей и соседей. На ходу он объяснял им, что прибилудился ему москвич. Он его из жалости пустил к себе, пусть живет, и вот только что он, хозяин, обул москвича в шахматы пять раз подряд. Но, впрочем, москвич играет неплохо, и они, его всегдашние соперники, которые до сих пор нагло обыгрывали его, пусть-ка попробуют, так сказать, справиться с меньшим братцем, а он посмотрит. У него получилось – соседние мужики садились за доску один за другим, и довольно скоро вылетали, подбадриваемые моим изрядно повеселевшим хозяином. Не то чтобы я хорошо играл – но все-таки что-то кроме фронта пешек изобразить мог, а у них это было основное средство – пешку в ферзи провести.

Выкинув всех разбитых соседей вон из дома, хозяин повелел им учиться играть, подобрать сопли и не показываться ему на глаза, пока фигуры двигать не научатся. Мне же он величественно разрешил остаться – с непременным условием играть в шахматы с теми, кого он, хозяин, пригласит в гости. Терять было нечего, и я согласился. Сразу скажу, что условие я выполнял честно, играл со всеми – кажется, хозяин перетаскал в гости всех строителей, бульдозеристов, шпалоукладчиков и бетонщиков округи. Иногда было трудно, но полторы недели я там прожил.

Хозяин, раздобывшись, щедро предложил мне питаться вместе с ним, но поскольку еда его состояла в основном из

водки с хлебом, я старательно уклонялся от совместных трапез, предпочитая прогуливаться в окрестностях Сахалинска и собирая жуков. Препятствовало этому невинному экскурсированию только досадное чувство голода. Когда это начинало мешать всерьез, я находил булочную и покупал батон – стоил он тогда около 20 копеек, так что голодная смерть мне не грозила.

На следующие выходные мирное течение нашей жизни было прервано неожиданным и, можно сказать, торжественным событием. Придя с утреннего лова, я увидел, что хозяин водрузил на плиту самую огромную из возможных кастрюль и сыпет в нее все, что находится в доме. Оказалось, что он, во-первых, варит борщ, во-вторых, готовит праздничный ужин и, в-третьих, женится. Я поздравил его и спросил, кто же его избранница. Оказалось, что он не знаком с ней, никогда ее не видел, и вообще об этом ничего не знает.

Собственно, мысль его состояла в следующем. Он – мужчина видный, с собственным домом, холостой и при работе. Отсюда следует, что нужна хозяйка. Однако, не имея ничего достойного на примете, он попросил друзей сегодня к вечеру приискать подходящую особу женского пола. Друзья у него – мужики солидные, в разуме, дерьма не посоветуют, и вообще – для чего же нужны друзья на свете?.. Так что он делает свое дело – готовит праздничный ужин, а они – свое, ищут ему невесту.

К вечеру ужин был готов и состоял из фирменного бор-

ща, от запаха которого я ушел на улицу, двух ящиков водки и хлеба. Хозяин принарядился и с нетерпением ждал невесту. Невесты и друзей не было, что заставляло новобрачного подволновываться.

Наконец он не выдержал, приказал мне стеречь ужин и отправился на поиски друзей. Вернулся он через полчаса, с подбитым глазом, в компании пятерых смущенных мужиков и сильно встрепанной дамы, которая громко призывала всех в свидетели, что она честно женилась, и кто же знал...

А дело было в том, что на окраине славного города Южно-Сахалинска местные власти выделили места для индивидуальных коттеджей, сиречь домиков. Там и отстроился мой хозяин, сперев с родной стройки все необходимое. Ряды новехоньких домиков уходили прочь от города, каждая улица коттеджной застройки упиралась в большую грязную улицу, за которой уже начинались ряды серых пятиэтажек. И как раз в месте смычки сахалинских коттеджей, где жили упомянутые бульдозеристы, бетонщики и прорабы, с многоэтажной застройкой, располагался центр местной общественной жизни. Пивнушка. Знакомая всем, она была культурным центром – в ней говорили и договаривались, знакомились и вели дела.

Естественно, друзья моего хозяина, сообразив, что уже настал вечер, а невесты все еще нет, отправились туда и в каких-то пятнадцать минут нашли то, что требовалось. Даме предложили выпить, объяснили свою честную цель, дама

осведомилась о видах жениха, узнала про дом – и согласилась. Выпили за удачу, потом – за счастье молодых, потом – чтоб не последняя, потом – в предвкушении праздничного ужина. Тут здраво решили, что хватит, что пора, жених ждет, и чинно повели невесту знакомиться с женихом. Однако сумерки и, может быть, некоторая лихва с выпивкой сыграли с друзьями моего хозяина злую шутку. Они слегка ошиблись в одинаковых новеньких коттеджах, не все из друзей знали, где живет мой хозяин, не все знали его лично... Короче, они ошиблись домом, вошли в хату на две ближе к пивнухе, чем дом моего хозяина, познакомили невесту с женихом и сказали: женись.

Вскоре туда пришел по следу мой хозяин и узрел своих друзей празднующими, а невесту – просто-таки непосредственно женящуюся... то есть выходящую замуж. Он в горячах, не сообразив всех обстоятельств дела, въехал ложному жениху по физиономии, получил ответ, опаматовался, устроил строгий допрос друзей. Ситуация разъяснилась, и воссоединившиеся новобрачные в сопровождении друзей двинулись, наконец, к собственному дому, где я стерег ароматный борщ.

Скоро всё наладилось. Все выпили за удачное окончание, за хорошее начало, за приятное продолжение и за молодых. Веселое застолье расположилось в большой комнате, пришел черед борща, и я перекочевал на маленькую верандочку с открытой в ночь дверью. Я спокойно курил и прикидывал,

где я буду ночевать в эту брачную ночь, решил, что прекрасно перекантуюсь до утра на верандочке, и тут дверь распахнулась и ко мне пришли хозяин, огромный молодой бульдозерист и еще двое празднующих – они тоже решили покутить на прохладце.

Слово за слово, и хозяин с бульдозеристом решили меряться силой – локти на стол. Друзья в качестве судей получили сплошной само- и взаимоотвод в силу своей пристрастности к обоим чемпионам. Судьей был единодушно выбран я – как человек сторонний, незаинтересованный и москвич, хоть и имеющий что-то против этого судейства, но обязанный долгом гостеприимства. Силачи сели, приготовились – и бульдозерист положил руку хозяина, как пустой рукав. Хозяин крикнул и предложил еще раз – он не подготовился. Сели, уперлись – с тем же результатом. Раз на пятый хозяин решил, что ситуация ясна и все дружно обратились ко мне с вопросом – кто победил? Я честно назвал победителя. Друзья сочувственно посмотрели на меня, смутно забормотали что-то о моей печальной судьбе и ушли в дом, допивать. Хозяин крикнул, насупился и ушел вслед за ними. Со мной остался гигант-победитель. Он аккуратно сгреб меня за ворот, прижал к стенке и стал тщательно объяснять мне ситуацию.

Оказывается, я поступил крайне неэтично. Бульдозерист доходчиво и подробно объяснил мне, что меня, человека совершенно незнакомого, мой хозяин подобрал на улице, пустил к себе жить, обращался по-родственному я же, москов-

ская погань, его несправедливо засудил. Силясь уяснить сложные для меня этические правила (в этике я как-то традиционно не силен), я с надеждой спросил – кто же, по мнению крепко державшего меня бульдозериста, победил в имевшей место маленькой схватке? «Конечно, я, – гласил уверенный ответ. – Этот слизняк и враль никогда бы не смог даже шелохнуть мою мощную руку» (демонстрация руки прилагалась). «Но ты, – продолжал он, – как человек, осыпанный благодеяниями хозяина дома, должен был присудить победу ему». Тогда мой учитель этики, бульдозерист, должен был бы меня побить за ошибочное суждение, но это были бы сущие пустяки, потому что теперь он меня будет учить быть благодарным людям, а это гораздо большее.

Я попытался высказать мысль, что за такую ошибку меня должен наказывать сам хозяин – вот если б я причинил своим суждением вред бульдозеристу, то бил бы меня, без сомнения, именно он, а в имевшем место случае, когда я, как только что было доказано, причинил своей неблагодарностью вред хозяину, бульдозерист должен немедленно пойти в дом, отыскать там жениящегося хозяина и привести расправиться со мной, а отнюдь не сам... Но бульдозерист был тонким знатоком этики и резонно возразил мне, что хозяин не может сам вступаться за собственную честь в этом деликатном случае, это ему запахло, и что именно в случае такого вот как бы правильного, но глубоко лживого суждения меня должны наказывать не сам хозяин, но именно друзья

хозяина.

С этими словами поборник чести вывел меня во дворик, прислонил к новенькой кирпичной стенке и замахнулся. Это было зрелище величественное и чудовищное, но я все испортил, успев уклониться. Бульдозерист едва не проломил стену, после чего потерял интерес к окружающему и пошел бродить по засаженному хиленькими яблоньками дворику, баюкая руку и что-то тихо причитая.

Я попробовал пробраться в дом, в тепло, но там уже женились все. Невеста явно запуталась, кто здесь жених, поскольку мой хозяин спал в углу. Послушав слаженный концерт из шума веселой компании и стонов бульдозериста, я отправился наружу, прихватив ломоть хлеба, и бродил до утра по темным лугам – лечь не было никакой возможности. Ночи уж очень холодные.

Наутро я вернулся, застав одинокого мрачного хозяина, сосредоточенно собиравшего бутылки. Я не посмел приставать с вопросами к человеку, у которого, кажется, были какие-то личные проблемы. Лишь на следующий день тайна слегка приоткрылась – хозяин буркнул, что все бабы – дряни, а он слишком умный и достаточный мужик, чтобы связываться с такими. И вообще, женитьба – дело серьезное, это же, москвич, можешь ли понять – это ж на всю жизнь, тут спешить нельзя.

Через несколько дней я уехал. Хозяин попрощался со мной весьма запоминающимся образом, но это все же другая

история.

Что же до деталей правильного поведения в неоднозначных ситуациях, преподанных мне бульдозеристом, то я бы назвал это кодексом джентльмена.

2004

Моя диссертация

В начале 1980-х годов, возвращаясь с экспедиции на Кунашир, я застрял в городе Южно-Сахалинске без крова над головой и средств к существованию. Самым ценным моим достоянием был билет на самолет, который должен был через полторы недели унести меня на материк, а потом дальше, дальше на запад. Запад – это было очень определенное и значимое направление. В Москве значимым направлением является юг – часто, разговаривая с кем-нибудь, слышишь: «Скоро на юг...», «Возьму отпуск и мотану на юг», «Мои сейчас на юге»... Начиная с Хабаровска все направления сменяет запад. Человек приехал из Киева, Ленинграда, Москвы, Харькова, Свердловска, Красноярска, даже из Одессы – никого не впечатляет эта мелкая местная разница, обо всех говорят – с запада, на запад...

Для осуществления своей запланированной миграции на запад, где меня ждал приют всех командировочных – канцелярия родного учреждения, я должен был прожить в Южно-Сахалинске до вылета. Мне повезло – случайно я позна-

комился с местным строителем, который, выслушав мою историю, после второй бутылки пригласил меня пожить у него, в его новом доме.

Вечером, наблюдая над головой вместо холодных звезд низкий свежесбеленный потолок, я решил, что он сделал это из чистого человеколюбия. Утром, опохмелившись, хозяин стал вводить меня в дальнейшие черты своего характера, а заодно и жизненные планы. Первым делом он спросил о моей профессии. «Биолог! – восторженно вскричал он, – «Всё, дело решено. Москва наша». Моей профессии даже папа с мамой так не радовались, поэтому я слегка удивился. Хозяин наскоро, пока мы приканчивали вторую бутылку, объяснил мне ситуацию. Было ему за пятьдесят, мужик он крепкий, и пора выбираться из этого медвежьего угла, делать карьеру, расти, захватывать жизнь. У него давно был план – покорить Москву. Не хватало пустяка, счастливого шанса – и вот он я, он меня давно уже ждал, вместе мы покорим Москву.

О своих возможностях он сказал, что он уже был прорабом и еще будет, так что пусть я об этом не беспокоюсь – через несколько месяцев он приедет в Москву прорабом. Осведомился, имею ли я чин – как там у вас? Кандидат, что ли? Я вынужден был признаться, что пока не кандидат, только в процессе. Хозяин тут же пришел мне на помощь. Со страшным энтузиазмом он потащил меня в гостиную, где, по его словам, находилась моя кандидатская. Я шел, как Румата Эс-

торский, нажавшийся спорамина – с ясной головой и железными ногами.

Бодро пробежав в угол пустой свежепокрашенной гостиной, хозяин стал яростно тыкать носком сапога куда-то в пол, радостно кудахча, крича «Жив! Жив еще!» и подзывая меня. Оказалось, что план обеспечения меня кандидатской и совместных боевых действий по покорению Москвы сложился у него дня за три до моего появления в Южно-Сахалинске, как раз тогда, когда он красил полы в этом чудном новом доме.

Тогда ему под кисть прибил паук. Провидевший дальнейшее развитие событий (ну, еще слегка выпивший, но это ж всегда и не в счет) хозяин прикрасил его за ноги к полу, так что скотина жива и уползти не может. Так вот, москвич, слушай! Эта тварь живет уже четвертые сутки! Без воды, без жрания, без ничего! Видишь – хозяин пнул паука, – шеволится! Это твоя кандидатская! Напишешь – сразу дадут. Сиди здесь, наблюдай, записывай, чего тебе там надо, – я с тебя за это ничего не возьму, хоть паука я тебе даром подготовил. Мы не мелочимся, вот она, кандидатская, а я пойду, а ты сиди, пиши, потом мне свой адрес в Москве дашь, я стану прорабом, приеду, покорим Москву...

Вечером, когда усталый после трудового дня хозяин добывал первую вечернюю бутылку, а я, делая вид, что помогаю ему, старался наесться хлебом, – я решил уточнить наши планы. Прежде всего, я убедился, что они живы, как бессмертный паук в углу гостиной. Хозяин бегал туда каж-

дый четверть часа, пинал сапогом, радостно реготал, вопил «Жив! Наука! Кандидатская!» и возвращался на кухню. Точно также хорошо чувствовали себя наши планы завоевания Москвы.

Я, признаться, в них слегка сомневался. Многое мне было непонятным. Однако я был молод, а умудренный опытом человек, казалось, не испытывал никаких сомнений на этот счет. Я попытался просветить его о степени моего влияния в Москве, сообщив, что биолог вряд ли высоко котируется на московском административном рынке. Что же касается прораба, я не знаю... Хозяин решительно отвел мои возражения.

Он был человеком совершенно особенным, а его профессия – это вообще, это... Я до сих пор просто не представлял себе, что такое строитель. В молодые годы мой хозяин служил в охране лагерей. Он выучился там, оказывается, необходимому искусству обращения с людьми и приобрел важные знакомства. Выведа меня на середину гостиной, он с веселым смехом делился жизненным опытом, показывая, куда нужно бить дубинкой человека, чтобы он умер, а следов на теле никаких не осталось. Вспоминал зеков, объяснял законы лидерства в человеческом обществе. Объяснял различия в поведении политзаключенных и уголовников, как их опознать уже по манерам, чтобы опираться на одних и чморить других. Называл громкие, но (по неграмотности) неизвестные мне фамилии местных глав администрации и КГБ, с которыми был лично знаком по службе. Он бы давно пошел

вверх, ого-го, как пошел, если бы не водка. Он признался мне трагическим шепотом, что пьет чуть-чуть больше, чем следует, за это его и сняли из прорабов. Но его связи, его удивительная профессия – строитель...

Знаешь ли ты, москвич, что такое строитель? Это же всё, это жизнь, это власть. Единственное, чего ему не хватало для покорения Москвы – это базы. И вот теперь подвернулся я (ты правда в Москве живешь?), он приедет ко мне, обоснуется. Обживется, найдет ходы и мы вместе покорим Москву. Пришла очередь четвертой бутылки, и хозяин излагал мне все более детальные планы покорения. Гремели лозунги: «Биолог и строитель – это сила! Что Москва? Это же специальности века! Биолог! И строитель! Да мы...».

Далеко за полночь закончился мой первый день в Южно-Сахалинске. Несмотря на энтузиазм и уверенность хозяина, несмотря на выпитую водку во мне еще оставались сомнения. Я был почти убежден... «Строитель и биолог – это сила!» – гремело в ушах. Я сомневался – что вы хотите, начало восьмидесятых.

Да, насчет биолога мой хозяин ошибся. Но теперь, живя в Москве, проходя по ее улицам, оглядывая новенькие свежестроенные здания, дивясь появляющимся скульптурным красотам, я понимаю – во многом мой сахалинский хозяин был прав. Строитель – это сила. Жаль, не добрался мой хозяин до Москвы в восьмидесятые... Водка проклятая... А то бы и у меня были связи в руководстве. Теперь я в это верю.

Я называю это надеждой на будущее.

2004

Опиум для народа

Дни моего сахалинского заключения подходили к концу. Благодаря жесткой экономической политике, которую я проводил, у меня оставалось еще 47 копеек. В предпоследний день я решил устроить себе праздник, купил батон хлеба и пачку беломора – и блаженствовал, поедая хлеб и любуясь дымными кольцами.

Наутро я должен был уезжать. Я собрал рюкзак и пошел в комнату к хозяину, дабы поблагодарить его за гостеприимство и тепло попрощаться.

Хозяин был мрачен. Он тоже собирался – на полу стоял распахнутый огромный чемодан с вещами, а сам он сосредоточенно точил нож. Дело такое, хозяйственное – чистит себе человек ружье, правит топор или нож точит, – я не обратил на это внимания. Стараясь не обращать внимания на настроение хозяина и не заморачиваться в последние часы, я поблагодарил его и собрался уйти – мне приятнее было посидеть часа три на аэродроме.

Однако хозяин остановил меня. «На вот, прочти, – сунул он мне в руки листок. – Может, ты лучше разберешь». Из дальнейшего выяснилось, что у моего хозяина была мать. Старушка жила в Красноярске, на старости лет она пода-

лась в «христианки», как выразился мой хозяин, и стала писать сыну бесконечные письма, уговаривая его бросить пить, остепениться и обрести истинную веру. В письмах были тексты молитв и материнские наставления.

Мать составляла трагедию жизни моего хозяина. Еще несколько лет назад, когда он был прорабом, эти письма способствовали его увольнению – как же иначе. Разве может быть прорабом человек, у которого мать – христианка!? Я осторожно поинтересовался, каким образом письма, адресованные лично ему, могли сказаться на столь важных общественных материях. Хозяин высмеял меня, объяснив, что он, как человек органов, хоть и демобилизованный, но духовно породненный, не прекращающий внутренне служить Родине, знакомый с чинами и тут и на материке, – уж он-то доподлинно знает, сколько человек и где конкретно читают личные письма.

Он совершенно уверен, что именно эти письма, порочащие его личную жизнь и биографию, закрыли ему карьеру в высшие эшелоны власти. Он писал матери много лет – ругал, требовал бросить христианство, требовал перестать писать ему письма, угрожал. Но мать упряма, и вот – опять. Ты читай, приказал хозяин.

На листочке из школьной тетрадки в косую линейку были пожелания дорогому сыночку не болеть, пить меньше, быть всегда здоровым, о чем его мать неустанно молится, и несколько молитв – их старушка специально узнала, они по-

могают всем, даже не верующим, и пусть сыночек их повторяет хоть раз-два в день, это обязательно скажется. Судя по оборотам письма и молитвенным формулам, я заподозрил, что «христианка» была баптисткой, но сын таких незначительных тонкостей не различал.

Вот, – сказал хозяин мрачно и решительно. Я ей писал, говорил, требовал. Опять письмо. Хуже прежних. Кончилось мое терпение. Жизнь мне рушит, старая карга, не слушает меня. Теперь надо дело кончать. Поеду и зарежу дуру.

Я посмотрел на лицо хозяина и как-то поверил ему. Он не шутил, и нож точил вполне осмысленно. Тогда я посмотрел на часы – два с половиной часа у меня есть, потом надо мчаться в аэропорт, – и принялся с хозяином беседовать. Сначала он не хотел ничего слышать, но я настаивал. Хозяин взялся за нож поухватистее и сообщил, что которые будут ему зубы заговаривать, могут сильно пожалеть, он решил твердо и отступать не намерен.

Я достал бутылку (из запасов хозяина), водрузил на стол и сказал, что отговаривать его никоим образом не собираюсь, но дело серьезное и надо всё хорошенько разобрать. Хозяин посмотрел на водку, внял моим аргументам, и мы сели обсуждать убийство его матери. Беседа длилась уже больше двух часов. Я исчерпал все аргументы. Мать была хорошая, растила его, хоть была очень бедна, отдавала последнее, не била, не издевалась. Но ее несомненная вина состояла в том, что она вдарилась в религию, портила сыну био-

графию с анкетой, и препятствовала своим существованием дальнейшим карьерным планам. Точка. Надо резать.

Времени у меня было в обрез. Я уже опаздывал на автобус до аэропорта. Если я опоздаю, я буду сидеть на этом острове неопределенное время. Свободных билетов тут практически нет, я мог улететь только по забронированному билету, который тихо таял во внутреннем кармане. Хозяин сказал, что мы хорошо поговорили, он здраво всё обдумал, укрепился в правильности своего решения, и полез закрывать чемодан. Его ждал рейс на Красноярск. Я думал, каковы у него шансы не упиться в свинью, не попасть в вытрезвитель, не забыть о планах и добраться до матери. Прикинул так и сяк – у него были хорошие шансы.

Я плюнул на опоздание, вытащил еще бутылку и предложил по последней. Хозяин покосился, подумал и сел со мной к столу. Во время предыдущего раунда переговоров он вскользь упомянул, что у него был брат. Я начал развивать эту тему. Мне повезло – пошла карта. Брат был старший. Жил во Владивостоке. Вроде не пил – по меркам хозяина. Работал.

Я начал решающую атаку. Воззвал к законам божеским и человеческим, обсудил структуру патриархальной семьи и выдвинул решительный аргумент: «Как же так, брат-то старший. Ты, конечно, имеешь полное право зарезать мать – не хватайся за нож, я тебя не отговариваю. Но как ты потом помотришь в глаза брату?» Хозяин уверенно сказал, что брат

одобрит его поступок, как только он, хозяин, подробно расскажет, как старая дура портила ему жизнь. Я давил: «Он старший, он имеет право знать об этом заранее. Будет ли правильно, если ты сначала зарежешь, а потом скажешь? Закон старшинства, сам знаешь. Брат имеет право знать заранее, он имеет право решать, ты должен с ним поговорить до того. Поговори, убеди его – вот тогда... А без его согласия ты не имеешь права». Я давил на право совместного владения имуществом – мать у них общая. Она также является и матерью твоего брата, понимаешь? Ты своим решением лишаешь его матери, разве он не должен дать свое согласие?

Моя дипломатия увенчалась успехом. Хозяин выпил, подумал, выпил и согласился. Действительно, брат-то старший. В самом деле, ему может не понравиться, если младший, ни слова не говоря, убьет его мать. Да, надо сначала поехать к нему, объяснить все, и тогда уже ехать резать мать. Все, решено, он едет во Владивосток, к брату.

Я облегченно вздохнул. Рейс у меня был через 25 минут, я был на другом конце города, в котором не было такси и почти не ходил общественный транспорт. Я скоренько закинул рюкзак на плечо, попрощался с хозяином и, чувствуя, что уже не успеваю на самолет, ринулся к двери.

Хозяин сидел в задумчивости над бутылкой, вяло кивнул мне вслед. А потом медленно и раздумчиво, голосом, которым принимают решения, сообщил: «А если он не согласится со мной, я и его зарежу. Так будет правильно». Я погля-

дел на решительную физиономию хозяина, низкий нахмуренный лоб, тяжелый нож в руке. Вспомнил о времени, о самолете на материк. И закрыл за собой дверь.

Я успел на самолет. Задышающийся, уже не соображающий ничего, еле прорвавшийся сквозь путаницу дверей, чинов, бумаг... Я вбегал на борт, передо мной шла пара с младенцем на руках. Еще шаг, и младенец взорвался, облевав длинной толстой струей три квадратных места тесного самолета. Долго ждали рейса, объяснила мамаша, нацеливаясь на чистые места. Возмущенные облеваные пытались оттереться платочками. Я добрался до своего места и рухнул туда. Рядом со мной сидел добродушный мужик лет сорока. Едва мы взлетели, он сообщил, что едет в Иваново – жениться. Там, говорят, баб много. Но у него проблема. Была тут у него одна, и все было хорошо. Вернулся во Владик, уже два раза на бабу лазил – ничего, а тут глянул, пошел к врачу – сифилис.

Вот мразь попалась. Баба егонная его выперла, так что теперь одна дорога – в Иваново. Как ты думаешь, москвич, правильно я решил? Давай, потолкуем.

Я бы назвал это взвешенным решением.

2004

Уссурийские панки

Давным-давно, еще в дореволюционные времена, ехал я

в автобусе Уссурийск-Владивосток. Дорога долгая, и рядом довольно громко рассуждали о жизни два молодых существа, лет 16–17.

Я уже не помню деталей, но вроде бы один из них залетал так далеко на Запад, что был чуть не в Новосибе, несомненно, городе передовой цивилизации и современных соблазнов. Его не отягченный социальным опытом собеседник жадно внимал последним порокам, выдуманым для себя человечеством.

Одним из пунктов было ошеломляющее сообщение – панки стали модными, теперь на Западе полно панков, одеваются они вот такочки и вот еще туточки такая хрень болтается, а на голове у них такая вот фигня с прибамбасами.

И тут дитя востока, не приобщенное к цивилизации, но лучше знающее глубину уссурийской жизни, презрительно фыркнуло и сказало: «Это всё ботва и полная хрень, куда западным панкам до наших, уссурийских. У нас – самые настоящие панки». Далее следовало детальное описание того, какие именно отличия можно наблюдать у уссурийских панков.

Я называю это культурой.

2005

Истории фиолетовоалые, как фуксия, и слегка несуществующие

Жабонатр

В озере около нашего дома живет жабонатр. Весь день он лежит на дне, так что о нем никто не знает. Люди гуляют вокруг озера, сидят на лавочках... Днем жабонатр спит. Иногда кто-нибудь удивляется пузырькам на поверхности или вдруг возникающим медленным водоворотам. Но ничего не будет – просыпается жабонатр только к вечеру.

Пока жабонатр мал, он обкусывает краешки теней. Когда вечернее солнце создает множество длинных вкусных теней, а потом их же и заливают мраком, – жабонатр выползает и обкусывает полупрозрачные границы больших теневых форм. Самые тонкие теньевые веточки, полупрозрачные окончания. Подрастая, жабонатр переходит на тени все более солидные, забирается в сердцевину, выедает тень насквозь, так что ничего не остается, одна только пустая видимость.

Вырастая, жабонатр становится все огромнее. Распускает вокруг свои неисповедимые окончания. Ночью выходит охотиться за теньями и снами. Сначала, пока молодой, вместо цветных снов оставляет только черно-белые, потом и они

исчезают. Жабонатр глушит город на многие километры вокруг логовища. В местах его охоты все реже прорываются к людям сны, и люди все хуже видят в темноте. Неповрежденные жабонатром люди видят полумрак и множество налегающих теней, теневых форм. А жертвы жутких эпиплевр жабонатра ничего не видят. Они говорят – там темно, мрак, там просто ничего нет, пустая темнота. Это «ничего» они и называют мраком, хоть это всего лишь языковая привычка. На самом деле в настоящей, живой темноте видно множество теней, и только объединенные жабонатром в темноте совсем ничего не видят.

Отпор жабонатрам дают лишь отражники. Они используют естественную вражду ночных теней и дневных отражений. Чем большее количество различных вещей отражается в водоемах, где дремлют жабонатры, тем чудовища слабее. Жабонатры ненавидят облака, отражающиеся в их прудах, дома, деревья и людей, чьи силуэты дробятся и плывут в водах озер. И потому отражники пытаются создавать ландшафты, неблагоприятные для жабонатров – с камышом по берегам прудов, со склоненными к воде деревьями. Если же какой-то жабонатр все же вырос, они переходят к непосредственным боевым действиям и отражаются в его пруду изо всех сил. Проходя мимо пруда, иногда можно заметить эту безмолвную схватку. Пруд, затихнув, ожидает ночи, а пока – на берегу замерла фигура отражника, проводящая час за часом в работе отражения.

Поль

Городская фауна весьма обильна, и кроме жабонатров в городах живут поли. Эти предпочитают день и яркое солнце – собственно, они обитают в лучах света, но ни в коем случае не в прямых лучах солнца или даже свете от ламп – а только в отраженном свете. Лучше всего они чувствуют себя в бликах от стекол и металла, но могут вполне выживать и среди сияющих стен, и среди отблесков асфальта. Мода на зеркальные панели вместо стен зданий – их работа, в таких условиях они чувствуют себя лучше всего.

Если отраженный и бликующий свет – местообитание поля, то пищей его являются повторяющиеся движения. Более всего поль ненавидит уникальность – собственную походку, свою пластику и разность обликов. Блаженствует поль в колоннах, марширующих в ногу, или – редкий деликатес – команде гимнастов или мимов, повторяющих одно движение. Но такие номера довольно редки – это ж только в цирке или там на каком-то представлении. И марширующие слоники тоже не чрезмерно часты – для поля это повседневная еда, чтоб не помереть, но никак не объедение. Парадно – только на особом карауле, а так-то зольдатики ходят не очень-то стройно.

И поль влияет на людей, стараясь их сдублировать. Ино-

гда можно заметить, как в знойном мареве улицы плывет человек. Вроде бы вполне обычной, своеобразной походной – и вдруг отмашка руки или еще какое-то движение обращает на себя внимание и вдруг вы видите, что в квартале впереди идет другой – и точно так же отмахивает... Это – поль. Он соединил. Иногда можно поймать и самого себя – на неожиданном копировании. Самая известная вещь – коллективный чих, зевота и смех. Один кашляет – все начинают, один усмехнется – все ржут. Это – поль.

В толпе поль – скрепляющее звено. Он висит над людским морем, колонны отраженного света вливаются в его отблескивающее туловище, а под ним единообразно сдвигаются людские пласты – там протестуют, голосуют, негодуют, выбирают, оплакивают, провожают, выражают... В общем, происходит этакое коллективное действие, где все вместе бегут, кричат, подаются одним телом вперед или назад. Это – поль.

Особенно сильно поль влияет на детей – те пока еще не привыкли к его воздействию, пытаются оттолкнуться и даже плачут, не в силах понять, отчего вдруг среди веселья становится жутко тоскливо и пакостно. Взрослые привычно не замечают полей, те управляются с ними выработанными приемами. Если взрослый заметит, что кто-то копирует его движения – или он сам копирует чьи-то – он попытается разорвать связь, обеспокоится. Потому копирующие пары или тетрады можно видеть, только специально приготовив место.

Охота на поля похожа на охоту на тигра. Точно так же надо найти махан – выбрать удобную площадку, откуда виден перекресток, длинная улица, площадь и т. п. – обычное местообитание поля. Далее охотник располагается сверху, и тянутся часы ожидания. Поль осторожен, может почуять и не прийти. Но в случае удачи – через полчаса-час ожидания с биноклем вы увидите: вон та девушка в широкой красной юбке делает абсолютно то же сложное движение рукой, что старуха на другом конце площади. И они не могут видеть друг друга, а за углом, независимо от них, то же движение – у молодого человека. Осмыслиют они каждый свое – молодой человек бурно жестикулирует с приятелем, полагая, что что-то показывает, девушка вроде бы отказывается от какого-то предложения, старуха расправляет затекшее тело – но характернейший абрис движения выдает дублирующее действие.

Некоторые поля предпочитают специализироваться, питаясь за счет мод, привязываясь к характеристикам одежды, другие питаются вокафауной... А, да. Дело в том, что любое произнесенное слово образует уникальную фигуру звуковых волн – то есть произнесенное человеком слово вовне есть уникальная форма сжатий и разряжений воздуха, этакая вылепленная в воздухе фигура. Каждый вокабуляр отличается своей устойчивостью, иные живут очень недолго... Повторение вокабуляра – эхо – обычная игра полей, о которой знают все. Но это грубая заметная игра, для полей – нечто вроде пляжного волейбола, с воплями, разносящимися на кило-

метры. Так питались предки полей, жившие среди каменных стен – до того, как поли устроили себе человечьи города и размножились. Индивидуальное питание поля состоит в повторении клишированных слов. Что это будет – партийный лозунг, молодежный сленг или название модного авто – не важно, полю есть дело только до слаженности и частоты повторений.

Поли неразумны, но интеллектуальны. Их трудами происходят интеллектуальные заимствования. Когда человек нечто прочитывает, у него возникает специфическое дрожание мозга, приводящее к генерации похожих текстов. Почитал стихи – получают стихи, философию почитал – начал философствовать. Каждый случай такой версификации – большое удовольствие для какого-нибудь поля.

Ограничивают распространение полей их природные враги, уны. Они обожают уничтожать находимое единство. Когда крик эхо становится невнятным уханьем – это сработали уны, совместными усилиями одолевшие поля. Когда отработавший свое штамп печати оставляет лишь сизое пятно, не несущее индивидуальных признаков – это форму выпили уны. Среди людей они непрерывно играют в испорченный телефон – образуют непонимание, недослышки, непонятки, переданные слова перевираются, показанное движение отдается грубым шаржем, а затем растворяется в неуклюжести. Затверженная мода перебивается всполохами «отличий от других», что тут же перенимается полями для обра-

зования новой моды, в отличие от полей, которые держатся поодиночке – каждый поле имеет собственную территорию и привычки питания, – уны всегда движутся стаями, уны множественны и неопределенносчетны. Знающие люди предпочитают держаться подальше и от тех, и от других – быть сожранным сплетенными унами ничуть не лучше, чем попасть на обед к огромному полю.

2009

Ди Кустомер (кустомер – род занятий)

Главное – не отпускать Кустомера. Привлечь и не отпускать. Скажем, показать ему – и тут же инструкцию, как этим вот надо сразу. А то ведь не туда, верно? Поэтому – вот красивая, с рисунком, инструкция, где прямо и показано – куда. Но не просто так. Это целое искусство – инструкция для Кустомера. Ди Кустомер – натура сложная, гибкая и непредсказуемая. Инструкции для него надо писать двоякие. Типа – вложите себе в, но не засовывайте. Поверните, Ди, не завинчивая. Проведите, не касаясь. Поднесите, не приближая.

Кустомер такие дела очень любит, сразу зависает и, отчаявшись, что-нибудь делает. А это главное – довести Кустомера, чтобы он хоть что-нибудь сделал. Ди, по ленивости, предпочитает исчезать. Идешь, смотришь – в ловушках пусто, никого. Ни одного Ди Кустомера, целый день бегаешь – не видел даже! И ветка не шелохнулась, и под корнями не

истаял след, потому что не было его.

След – это важное свойство Кустомера. Так и говорят: главное свойство Кустомера – измеримость, за это его и ценят. Всегда можно сказать, сколько раз Кустомер на то поглядел, это выбрал или тем заинтересовался. Конечно, замечтавшись, Ди Кустомер может забыть помериться. Отвлекся, на ворон загляделся – и ушел, не выбрав и даже не взглянув. Потому надо привлечь его дырявое внимание каким-нибудь свистком. Оранжевое на него кинуть, мохнатое и чтобы верещало. Выпрыгнуть на него с криком «а у нас вот последняя модель того, что никто не берет!!»

За жопу укусить, наконец. Многие пользуются, зря вы не кусаете. Это очень привлекает внимание. И чтобы блестело. Кустомер, как натура сложная, обычно капризничает – я не люблю, чтобы блестело! оно маркое! на нем потом пятна! оно меня слепит! оно потом рвется! – не обращайтесь внимания. Блестящее Кустомер выберет всегда, это – праздник для него.

Еще Ди Кустомер отлично считает и всегда выбирает дорогое. Дешевое не предлагайте – его Ди презирает. Пусть будет дороже и чтобы совсем не надо. Если есть потребность – Кустомер может случайно задуматься: а стоит ли? А если точно незачем, он и не задумается, нипочем не задумается, так что вещь должна быть подчеркнуто-бесцельной. В случае сомнений лучше сразу написать: нет, забивать этим не получится. И засунуть тоже нельзя, не влезет. Нет, не жуж-

жит, хотя с виду кажется что должна – не жужжит, и не звонит, то есть звонит, но так тихо, что вы не услышите, и – нет, не ловит этот диапазон, ну и что, что написано что ловит и даже предназначен для улова именно этого диапазона – это просто так написано, для красоты, вот я включаю – видите? Не ловит.

Не может, у нас этой сети нет, этот диапазон не означен, этот интервал отсутствует, потому что все соседние тоже исчезли, вообще это есть только в америке, какие радиоволны, с ума сошли, у нас чисто, никаких не ловит, зато вот верньер красивый, вжик – и туда-сюда, суда-туда, видите? Здорово, правда? И еще оно может показывать заставку, которую нельзя заменить на другую, и в нем много памяти, которая, правда, недоступна ни самому устройству, ни вам, но она есть, производитель мамой клянется, что она там есть, и очень дорогая.

Вот такое купят, если очень дорого. Потому что Кустомер на утилитарное не очень идет, тут надо разум приложить и показать ему искусство какое. Тогда с Кустомером случится покупка. Он тогда сразу раздуется, станет такой красный, красивый, начнет что-то бубнить и показывать.

2013

ХВД

Я чувствую, что восстает новый персонаж.

Вот в каком ряду. Были подданные. Граждане. Товарищи и господа. На всяких языках. И в других языках иного не надо – все мусью, мистеры, герры не озабочены именованием. А у нас, как известно, кризис идентичности. И хоть братаном тебя оклики, хоть командиром – чувствуется диссонанс.

Так вот, сдаётся мне, правильным обращением должно стать ХВД.

Хвод.

Согласно изречению: «Демократия – это правила поведения, о которых договорились между собой хорошо вооружённые джентльмены». Ведь демократия является производным войны. Правила принятия решения большинством голосов заменяют драку – и её символизируют. Всюду, где вопрос решается демократически, подразумевается не право знания, а право силы.

Многие добрые люди мне сказали, что в обществе хводов невозможно хамство. Хамы не выживают. В обществе хводов возникает демократия. Кто не умеет договариваться и придерживаться правил, на которых согласились другие хводы – не выживает. Таким образом, после временной турбулентности возникает устойчивое состояние договороспособности, взаимной уважительности, достойного поведения и рациональной рассудительности.

По-моему, нужное и правильное слово. По-хводски если говорить – дельное.

Хвод держит слово. Если он его не держит, его хоронят.

Хвод равен другому хводу. Подразумевается примерное равенство сил/вооружений. Поэтому хвод не может быть начальником другому хводу – хводские отношения ведут лишь к установлению равенства. Максимум возможного – слегка потесниться, сузив периметр обороны, в котором опять достигается равенство сил. Иерархические отношения возникают лишь между невооруженными людьми или между хводом и рядом его клиентов, подзащитных и т. п.

Хвод имеет собственность. Подразумевается, что это – аксиома. У хвода есть оружие, это и является его неотторжимой собственностью. Хвод без оружия – не хвод, так что хвод всегда и в любых условиях имеет собственность. Потому хвод признает собственность других хводов (см. предыдущий пункт о равенстве).

Хвод чисто плотен. Подразумевается, что хвод содержит оружие в чистоте, иначе хвода хоронят. Поддерживая чистоту оружия, хвод приучается так же относиться к своей внешности, мыслям и чувствам.

Хвод рассудителен. Встречая другого хвода, он всегда смотрит ему за спину – не следуют ли за ним подчиненные ему другие хводы. Если следуют – он всегда мудро уступит дорогу, не добиваясь кровопролития. В силу рассудительности хвод рационален и договороспособен. Чрезмерно эмоциональные хводы недолговечны.

У хвода не может быть начальников, пока он – хвод. Но хвод вполне может подчиниться другому хводу в знак уваже-

ния. Поэтому хводы могут составлять вооруженные соединения, не теряя присущего им равенства. Поэтому крайне невежливо и опасно для здоровья спрашивать хвода, кому он подчинен. Напротив, считается любезностью и отменным вежеством задавать хводу вопрос, сколько хводов и людей у него в подчинении.

Хвод ценит свободу торговли. Поскольку патроны для оружия делают лишь немногие хводы, всякий хвод склонен к элементарным актам обмена еды на патроны. Привыкая покупать патроны и оружие, хвод становится разумным и удачливым торговцем.

Хвод легко соблюдает законы и подчиняется правоохранителям. Стоит правоохранителям успеть ему доказать, что законы ему выгодны и удобны, а требования их состоят в помощи ему в его делах, как хвод тут же с ними соглашается.

Конечно, появятся и хводы – хорошо вооруженные дамы. Отчего же нет.

2010

Хранимое внутри

Мультфильм. Ходят мультяшные человечки. Обыденная суета. Вот разговаривают двое. Один широко раскрывает рот, лезет глубоко в себя рукой и оттуда, из внутренности своей достает маленький сияющий золотом образок. Человечек сияет, улыбается, всем показывает – вот, вот что у ме-

ня внутри, и у вас тоже такое же, посмотрите, там внутри – чистое золото и свет. Его собеседник, принахмурясь, при-сматривается к образку, лезет в себя, распахнувши рот, долго копается во внутренностях, вдруг резким движением выдергивает руку – ему в пальцы впился клешней мерзкий черный рак, рак щелкает клешнями, шевелит многочисленными ногами. Все шарахаются, рак спрыгивает с руки человека и убегает в какой-то темный угол. Человек, отойдя от испуга, показывает всем – вот, вот что у вас у всех внутри, образок – это была выдумка, на самом деле там мерзкие твари, черные твари. Человечки делятся на сторонников того и другого. Иногда кто-нибудь осмеливается произвести опыт – лезет в себя и вытаскивает найденное. Вот один вытащил за ножку огромный концертный рояль, сел за него и стал играть. Другой вынул котенка – тот бегаёт вокруг него кругами. Еще один вынул змею – она тут же обвила его кольцами и грозно шипит на окружающих. Среди всего этого бедлама в углу стоит тот, первый человечек и потерянно смотрит то на образок в руке, то на окружающих зверей.

2011

Право роботам

...Робот обладает всеми правами человека, исключая особые случаи, объединенные в праве телесного присутствия *jus corpore*.

Разъясняют это положение обычно следующим образом. За роботом стоит – или может стоять – человек. Существует множество операций и общественных институтов, где критерий Тьюринга давно преодолен. Робот отсылает нашу почту, робот проверяет входящие письма, отвечает на телефонные звонки, пишет комментарии в сетях и пр. Иногда работа легко отличить от человека, иногда трудно, иногда это не важно. Иногда робот отлично различается, но смысл как раз в этом. Робот, выполняющий задачу, поставленную человеком, является представителем человека – иногда: уполномоченным. Например, электронная подпись по сути является роботом, который может производить сделки от лица хозяина. И действия робота вменяются человеку-хозяину. Убедиться в наличии хозяина далеко не всегда возможно, и есть множество случаев, когда в этом нет нужды удостоверяться.

Можно письмом удостоверить – долг и заем, готовность вступить в брак или развестись. Все подобные случаи могут быть представлены таким образом, что нет необходимости некому стороннему лицу знать, действует ли хозяин робота посредством данного робота или происходит нечто иное: по факту событие воспринимается как имеющее силу.

Интересно, что права животных – уже право робота. Именно по той причине, что действия животного не полностью вменяются хозяину, животные остаются неполноправными. Роботы полноправны именно в силу полной невменяемости. Ситуация, в которой действует программа, создан-

ная хозяином для определенной цели, неотличима от ситуации, когда программа действует «самостоятельно» по той или иной причине. И действие признается легальным при выполнении некоторых условий, заключенных в самом действии.

Это право без подкладки морали. Такое право, конечно, уже существует – право организаций является внечеловеческим правом. И именно к такому праву, которое не имеет морального коррелята, относится право роботов. В частности, у роботов признается в некоторых случаях тождественность экземпляра и серии. Совершенное одним экземпляром вменяется серии. Но полной симметрии нет – совершенное действие над каким-то экземпляром не считается совершенным по отношению ко всей серии. Например, уничтожение или расчленение экземпляра не является действием по отношению к серии экземпляров. Именно серия обладает всеми правами (исключая права телесного присутствия), экземпляр же обладает лишь очень урезанными правами, оговоренными для каждой группы случаев особым законом.

2009

Они

Есть и ещё один вид необычного существования людей, описанный лишь случайно. Даже нельзя сказать, понимали те, кто его описывал, с чем они имеют дело, или просто так

получилось... Это связано с существованием обществ. Во многих небольших городах это можно заметить (кстати, в деревнях – не встречается), проявляется также в некоторых корпорациях, которые как раз в больших городах. Люди там срослись. Это постепенно происходит, люди сидят вместе, работают, живут, а от них протягиваются выросты плоти, которые их объединяют. Иногда не замечают даже, так это умеет отвлекать от себя внимание. Но вот – были разные, а потом – одна плоть.

Целый организм весит многие тонны и с трудом перемещается. Впрочем, выросты весьма гибки и позволяют отдельным единицам довольно свободно перемещаться – но преимущественно внутри целого. Огромное тело одинаково пахнет, обладает одними и теми же привычками. Если к телу оказывается близок посторонний, не входящий в него человек, то сначала его пытаются включить в состав, вратить в себя. Чаще всего это и происходит, весьма незаметным образом. Он себе еще воображает, что отдельный – а уже сросся и запах, как все вокруг. Если человек почему-то не нравится телу, его отторгают.

Тела эти в целом бессознательны, живут не более чем инстинктами. Разум в них проникает как заболевание, для тел почти смертельное. Другие такие совокупности людских тел неразумны, хоть и хитры природной хитростью выживания, эти же – начинают мыслить и желать. Обретение проблесков сознания очень пагубно сказывается на общем теле, часть

элементов гибнет, другие изменяют запах, синеют, желтеют. В конце концов в одном из отделов общего тела собирается рыхлая масса переливающихся измененных единиц, она вздувается, бурлит, общее тело содрогается в конвульсиях – и лопается, выбрасывая эту массу единиц наружу и отделяя от себя. Они разбегаются, протискиваясь среди прочих обычных людей, и ищут другие совокупные тела, стремясь заразить их болезнью разумности.

Уход частей также многократно описан, хоть в него и не верят. Особенно часто описывают ушедшие носы, руки и иные выдающиеся части тела. И действительно, они отделяются чаще прочих и ведут самостоятельное хищное существование. Изменение характера дотеле мирных частей объясняется базовыми биологическими причинами. До отделения части тела питаются от организма, отделившись же – вынуждены искать пищу в легко усваиваемой ими форме. Чаще всего отделившиеся части переходят к хищничеству, иногда – к поеданию трупов. Самостоятельно живущие руки, уши, носы, ноги и прочее такое – довольно обычное, хоть и мало-замечаемое явление.

Люди вообще не очень внимательны. Они видят, как вдруг пропадают некоторые предметы, будто унесенные или передвинутые неизвестно кем – но думают, что просто сами забыли, сами переложили. Они видят людей, утративших свои части, но по умолчанию полагают, что это – результат ранений и несчастных случаев. А – не всегда. Но наиболее

ужасные вещи связаны с отдельной жизнью как раз невыдающихся частей тела. Представляют ли люди, что такое отдельное существование кишок? Желудка? Легенды о вампирах возникли, конечно, не на пустом месте, но кошмарная действительность в этих легендах сильно облагорожена и эстетизирована. Охота на тигра – детская шалость по сравнению с тем, насколько опасно столкновение с желудком в активной фазе, голодным и ищущим жертву. А ведь желудки боятся кишок – те еще ужаснее, а кишки, как рассказывают, опасаются печени, жутко злой и свирепой печени. Впрочем, детали лучше не описывать.

Однако вслед за разделенным существованием наступает еще более странная стадия. Обычно свободноживущие органы мало договороспособны. Они чуждаются друг друга, иногда – охотятся друг на друга. Однако, в особых условиях, в связи с длительным недостатком пищи, они могут договариваться и объединяться. Чаще всего можно наблюдать различные парные союзы. Нога позволяет руке оседлать ее, рука же делится с ногой результатами охоты. Кишки скрывают в своих петлях затаившуюся свирепую печень. Таких сочетаний множество, иные из них неловко даже описывать, не то что видеть. Тройственные союзы несколько более устойчивы, особенно легко и часто входят в такие тройки какие-то органы чувств – глаза, носы, уши. Это самые компанейские и легко объединяющиеся с другими части тела. Наконец, крайне редко органы объединяются так, что возникает чудовищ-

ное создание – собранный, совместный человек. Вот с таким лучше даже не встречаться, и даже вообразать себе его – не слишком безопасное занятие.

2010

Котовые истории

Кот Пашка

Был такой в подъезде. Ничейный. Жил где-то в подвале, кормился вокруг и от жильцов. Здоровый, подратый. Очень мужественный. В руки, ясное дело, не давался – и осторожен, и характер. Не домашняя киса. Окрестных котов бил только так.

И вот он к нам в гости стал заходить. Деликатно. Чем-то ему квартира глянулась, мы его в целом устраивали – и стал заходить. Вынести мусор дверь откроешь – спокойно сидит на площадке, не спеша подойдет к двери и, выжидательно помедлив – согласится зайти. Откушает, что дадут, поспит – и к дверям. Сидит около, смотрит выжидательно – открывайте. Достоинно уходит, никогда больше пары часов не сидел – хотя не гнали, конечно.

Сын был тогда маленький, года два с чем-то. Что он вытворял с этим диким котом – это уму непостижимо. Никакая домашняя кошка бы не вынесла. Он его заворачивал в «оде-яльце» целиком, от хвоста до головы – «чтобы тепло было». Он на нем ездил верхом. Он прижимал его к полу, садился перед ним и совал в нос листы бумаги – «Смотри, Пашечка, это я нарисовал». Выставка произведений была большая, Па-

щечке демонстрировались все новые каляки – он тихо сидел, завернутый в одеяло, и не рыпался. Когда он лежал на боку, сын иногда на него садился – как на приступочку. Пашка терпел. Какой областью своего кошачьего мозга он отличал этого огромного глупого котенка – не знаю, но суровый кот, в подъезде шипящий на любого подошедшего ближе метра, кот, который еду из рук не брал никогда – только когда даритель отойдет... Терпел.

Сорвался он всего только раз. Когда сын, шляясь вокруг, случайно наступил ему на хвост. Тут Пашка глухо взвыл, метнулся – и мгновенно надавал сыну пощечин. Самых натуральных, по щекам. Не оставив ни одной царапины.

Сын, захлебываясь слезами, рванулся к маме: «Выбрось, выбрось сейчас же Пашку! Он царапушка! Он меня побил!» Мама вникла, провела разъяснительную работу, указала, что кот был в своем праве – на хвост нельзя... Сын был неумолим – преступника следовало выбросить из рая. Мама решительно отказалась. Постепенно скандал стих... Кот заходил и потом, не обращая внимания на инцидент. Сын поначалу дичился, потом осмелел и снова стал с ним играть – кот по-прежнему терпел охоту на тигра, игру в солдатики и показ картин. Правда, сын теперь относился очень опасливо к его хвосту – совершая все, что угодно, с головной частью, избегал манипуляций с хвостом.

Постепенно у них выработались свои правила. Как-то Пашка объяснил, что надо и что не надо, на что он подписы-

вается, а что – перебор. Лучше всего эту ситуацию характеризует такая реплика. Сын играет с котом. Долго. Раздается сдавленный короткий мяв. Сын звонко кричит: «Мама! Мама! Киса мявит!» Занятая делами мама рассеянно спрашивает: «Что говорит киса?» – «Киса мявит, что сейчас схватит! И надаёт!»

Как Пашка перестал к нам заходить – это уже другая история.

2008

Уход Пашки

Итак, к нам домой иногда заходил свободный кот Пашка, обитатель подъезда и гроза окрестных котов. Манер он был самых правильных – входил не торопясь, если дверь в квартиру была широко открыта и его настойчиво приглашали, долго не засиживался. Голодный был всегда, но еды не просил: что ставили, то съедал дочиста и заваливался поспать, потом уходил.

А потом я подарил жене персидского котенка, крохотного, полуторанедельного Сильвера. С родословной на сколько-то там поколений, с фирменным окрасом «черный дым» и паспортом, где значилось его дворянское имя «Сильвер-Тэса». С ума сойти. Впрочем, котенок был очень милый. Тонкие длинные усы плавали в молоке, когда он сосредоточенно боролся с огромным блюдцем. Спал он, спрятавшись под теп-

лый бок игрушечного мягкого льва, днем иногда залезал на него и сидел, вцепившись в гриву. Котенок исследовал комнаты, выпадая поспать где придется. Выглядело это уморительно – его звали из кухни кушать, и котенок мчался из дальней комнаты... но уставал на уровне прихожей и обмягшей тряпчочкой валился спать. На полушаге – как умер. Поспав минут десять, просыпался и устремлялся в далекую кухню есть.

Мою жену эти засыпания на полдороге страшно пугали, и она мне звонила на работу – котенок умер, какое горе, кошмар и ужас. Я принимался неуклюже утешать, но каждый раз был прерываем радостным воплем – он ожил, проснулся и уже бежит к мисочке!

Пашка, когда пришел впервые после этого вселения – остолбенел. Долго изучающе смотрел на крошечный черный дым. Котенок, разглядев, пошел знакомиться – и Пашка глухо рывкнул. Котенок помедлил и издал слабый писк. Пашка устало обмяк плечами и равнодушно пошел мимо малыша к блюдам, заваленным недопотребленным кормом. Вычистив все, улегся спать – и тут настороженно следивший котенок решил играть. Пашка слегка фыркнул, но терпел. Его теребили за уши, залезали на спину и кусали за хвост. Иногда фыркание Пашки становилось более грозным, ошарашенный котенок надолго замирал и во все глаза смотрел – что это было? Но, не поняв, снова принимался тиранить Пашку.

А тот понял – в квартире завелся другой кот. И приходиться

стал много реже. Почти не задерживался – ел и отправлялся к двери: открой. Однако окончательное его исчезновение сопровождалось событием особенным.

По весне Пашка женился. Однажды, открыв дверь, мы обнаружили на лестничной клетке Пашку с махонькой кошечкой, почти котенком. Подруга была совершенно декадентского вида. Страшно тонкая, лапки-ниточки, крохотная и какая-то обкуренная, не очень сознающая окружающее. Когда мы приглашающе открыли дверь, Пашка стал приглашать жену в дом. Киска мялась у дверей, неуверенно делала шажок и отступала... В отличие от Пашки, людям позволяла что угодно – до того не то что дотронуться, подойти было нельзя, а эта – и о ноги лениво терлась, и гладить позволяла сколько угодно. Но с отрешенностью. Не подсовывала голову, не активничала – казалось, не особо и сознавала – то ли ее касаются, то ли нет. И в дверь зайти не то чтобы боялась – скорее, не очень соображала, чего делать-то.

За жену все решил Пашка. Он деловито подпихнул ее носом к двери, когда она очередной раз у самого порога пошла в сторону – подправил курс и так, подпихивая носом и плечом, провел ее фарватером коридора на кухню. Черная змеевидная дамочка растерянно стала шататься по стенам – солидный Пашка вздохнул и деловито запихал ее к блюдцам. Она, казалось, и есть не будет – растерянно зависла над едой, нюхнула, воззрилась в пространство... Пашка еще пихнул, ткнул носом в корм – и сам устроился сбоку. Постепенно

она разошлась – видимо, все же была голодна. Съев, получили добавки, умяли и это, и Пашка, пугнув вертевшегося вокруг серым комочком Сильвера, повел супругу отдыхать – на большое кресло.

И вот тут у них и произошло недопонимание, сказалась разница культурных кодов. У них – то есть у моей жены и Пашки. Пашка запрыгнул в кресло и стал умащиваться. Его черненькая худосочная, с первого раза не запрыгнув, едва обозначила прыжок и неуверенно уставилась в пространство, явно потеряв представление, что делать и где она находится. Пашка развернулся, спрыгнул, снова пихнул плечом, почти подсадил в кресло. Залез следом, помог неуверенно стоящей на кресле – что тут делают-то? – кошке выбрать место – усадил в середине. Она томно изогнулась и села, слегка напряженно... Пашка облегченно вздохнул, плюхнулся рядом... То есть он хотел рядом. Но размер-то у него был раза в два больше кошечкиного. Короче, Пашка плюхнулся задницей прямо на черную изящную кошечку и стал с увлечением вылизывать себе яйца.

И вот этого хамства моя жена не снесла. Так ее поразила эта картина – декадентка беспомощно выглядывает из-под огромной пашкиной задницы, Пашка по-крестьянски игнорирует дамский пол... Жена схватила Пашку за шкурку и выбросила за дверь. Он, кажется, настолько этого не ожидал, что даже не сопротивлялся. Видимо, и боеготовность котов имеет пределы.

Понимаете? Свободного кота, который ни разу не дал себя погладить, который приходил только когда хотел и входил в дом по особому приглашению, достойного дворового кота – за шкурку, как незнамо кого, женщина выбрасывает на лестничную клетку... Пашка, не мявкнув, немедленно удалился. Моя жена попыталась обиходить оставшуюся декадентку, но та была какая-то нежизнеспособная – сидеть в кресле отказалась, хотя жена ее там укладывала и гладила – думая: мужлан ушел, пусть дама отдохнет... Но дама потихоньку вылезла из рук, неуверенно шатаясь, подобралась в прихожей к двери и издала едва слышное мяканье. Кажется, громче она говорить была просто не способна. Жена, еще раз попытавшись ее соблазнить едой, вынуждена была отступить и выпустила на площадку.

После этого пары довольно долго не было, но все же через неделю пришли. В открытую дверь Пашка не пошел. Зато подпихнул носом свою неземную подругу. Та, помывкавшись, вошла, чуть-чуть поела – и стала своим едва слышным голоском проситься на лестницу. Так и повелось. Приходили вдвоем, чернушку Пашка запихивал к нам, сам же не заходил ни под каким видом. Его звали, показывали прямо через дверь блюдце с едой, жена даже перед ним извинилась (в свойственной жёнам манере: Пашка, мне жаль, что так получилось, но ты же понимаешь, что сам виноват...) – он был неумолим. Если выносили еду на площадку – ждал, пока дверь закроется, тогда съедал. В квартиру больше не

зашел ни разу.

А совсем закончилась эта история на следующий год. Я пришел вечером с работы, открыл дверь в холл – напротив нашей квартиры, у соседской двери Пашка интенсивно драл какую-то кошку. Уже не ту, черненькую, а простонародной внешности мурку. Та вопила, Пашка отдавал долг природе. А следующим вечером, когда я вернулся домой, жена рассказала – Пашку нашли мертвым в подъезде. Умер от старости.

* * *

Жена просила дописать: все женщины в подъезде, каких она знала, очень любили и уважали Пашку и ставили его своим мужьям в пример. «Пашка был мужик! Не то что...» – единогласно решили все.

2008

Гомеопатия: гибнущие предубеждения

Сам я не являюсь страстным котовником, но окружен таковыми. И вот от окружающих, очень много знающих об обычаях котовского племени, я узнал, что коты не могут плевать. Просто не умеют. Мне это даже знакомые анатомы подтвердили. Рассказали немало занимательных историй о мурчальном аппарате – группе хрящей в горле мелких кошачьих.

чьих, которые позволяют им издавать такие звуки (а у крупных кошек таких нет...), а также поведали: чтобы плевать, надо иметь мягкие губы. Без них ни плевать, ни целоваться не получится. Ну и вообще, подтвердили этологи, движение это для кошек нетипичное. Короче, не умеют.

А кот у нас как-то приболел. То есть я этого сразу не понял, поскольку приболение заключалось в том, что он есть меньше стал, а при гомерических масштабах истребления им поголовья телят этот симптом был не очень заметен.

Однако домашние жуткий симптом отследили; ужаснулись; подняли всяческую тревогу и занялись поисками путей спасения. На страх мясному скоту.

И надо же такому случиться – посещал нас тогда врач-гомеопат, женщина очень добросовестная и приятная, к тому же любительница кошек. Она несколько лет лечила всю нашу семью, пока мы все не попали в больницу. Это было после ее усилий, но вряд ли вследствие, и все-таки осадок остался, так что больше мы у нее не лечимся. Но это – потом, а тогда она радостно согласилась помочь и придумала давать коту соответствующие гомеопатические крупушки – крошечные шарики сахарной пудры, в которых содержится полтора атома лечебного вещества, потому что целая молекула в них уже не помещается.

Эта лечебная дама, большой знаток кошек, также подтвердила, что давать лекарство кошке – дело самое простое, и она сама не раз испытывала этот метод с неизменным успе-

хом. Надо рекомую крупушку засунуть коту в рот и руками сжать ему челюсти на минуту. Коту будет некуда деваться, и он лекарство проглотит. От сего действия воспоследует его неминуемое выздоровление, потребление корма в еще больших количествах и успокоение бурной эмоциональной атмосферы в доме.

Моя семья крупушки взяла, врача поблагодарила и проводила, кота погладила, дождалась, пока он зевнул, крупушки в рот положила – только вот держать коту челюсти не стала, опасаясь, что хрупкий организм задохнется. Кот тут же выпихнул сахар языком, причем делал это с такими усилиями, что было очевидно – да, плевать коты не умеют. И вот тут на сцену и был вытасен я, как существо от природы безжалостное и способное мучить кошек (не пробовал никогда – но, в самом деле, откуда мне знать...).

Я пытался отговориться незнакомством с практической ветеринарией, но быстро понял, что либо я лечу кота, либо буду долго сожалеть об отказе. Что делать – я взял кота, засунул ему в пасть (тут важно не перепутать...) целебную гомеопатию, сжал ему челюсти и стал ждать заглота. Кот сидел тихо, слегка сглатывал и смотрел на меня весьма удивленно.

Я сделал все, как доктор прописал – отследил секундную стрелку и по истечении минуты отпустил челюсти. Кот тут же каким-то невероятным образом скривился и плюнул крупушками, которые все это время бережно сохранял для меня во рту. Одним из этих гомеопатических снарядов он очень

ловко попал мне в глаз, и довольно чувствительно. Так что я могу свидетельствовать – по крайней мере мой кот в случае нужды плевать умеет очень хорошо. Видимо, этологи не догадались правильные опыты поставить. А морфологи с их мягкими губами прошлепали научный факт.

После этой процедуры кот вылечился – уплел пачку фарша за раз и улегся спать здоровым сном, снимать психологическую нагрузку. Так что все сомнения в действенности гомеопатии основаны на чистейшем предрассудке – как и мнение, что коты не могут плевать.

2004

Звонкая карма

Наш кот, очень большой перс, ушел в ванную. Через некоторое время оттуда стали раздаваться странные звуки – гулкие, похожие на удары в колокол. Идет по квартире звон. Ритмично так. Бом... бом...

Размеренно.

Заглянул... В ванной стоит таз, металлический. Перед тазом сидит кот.

Чихает.

Бьется головой о таз. Раздается звон. Кот приподнимает голову и глаза у него сильно увеличиваются. Отодвинуться и понять причину звука он не может – его настигает следующий чих. Не успевает понять.

Бом...

А глаза все больше становятся. Кот изумленно тараштится, пытаюсь осмыслить ситуацию, но тут его настигает новый чих...

2006

Один раз в жизни

Давным-давно случилась такая история. Пришли мы из магазина и положили на стол рулон колбасы. Толстой такой, типа докторской. А жили тогда на даче, и стол стоял на веранде, где были распахнуты окна. Летом дело было. И пошли мы пройтись прогуляться. А когда вернулись, около стола был обнаружен дворовый кот. Сам он был судьбою несколько порепанный и ничем не примечателен, кроме смущенной улыбки. Рулон колбасы практически отсутствовал, кот был вздувшийся и малопригодный к перемещению. Небольшой остаток колбасы лежал на полу. Он был не просто недоеден – многожды надкусан, всласть поцарапан и как-то расплющен, будто на нем еще и катались. Кот был очень смущен, он понимал, что как-то это не того. Нельзя так. Чрезмерно. А с другой стороны... Чай, не домашние мы. Так-то оно раз в жизни бывает.

Ну, желаю. Чтобы хоть раз было.

2010

Кот крутит фиги

Он сумел это сделать. Дуля кота – удивительный показатель рыжего ума.

Лег, переплетя лапы, и сквозь слегка раздвинутые пальцы одной пропустил палец другой лапы, причем коготь вызывающе отставлен. Получается вполне отчетливая волосатая дуля.

Несмотря на трудности моторики, кот сумел выразить отношение. Наверное, это пробившийся сквозь котовость знак наступающего нового года. Подумав над значением, решил, что это знак, отвращающий депрессию. Если соберутся тучи и накатит печаль, следует тщательно представить рыжую хитрую сложенную сразу из двух лап волосатую кошачью дулю.

2015

Наш кот на выставке, или сродство душ

Страшно испуган, сидит в клетке. Пытался спрятаться под кюветой, которая поилка. Когда это не удалось, повернулся носом в дальний угол, необъятным задом – к проходящим зрителям. Те воркуют: котик, котик... Медленно приближаются папа с сыном. Явно мама выгнала папу на кошачью вы-

ставку: «Погуляй с ребенком! Вечно ты занят! Всё я да я – давай-ка и ты хоть что-то... для семьи! Сходи на выставку!» Легко реконструируется. Дитя вопит «кися-кися», папа уныло пробирается, едва взглядывая в клетки. Доходят до нашего. Ребенок скользит взглядом по обширному кошачьему заду и между делом спрашивает: «А что кися отвернулась?» Папа же вдруг проникается и с бездной сочувствия обращается к нашему коту: «Что, достали тебя, да?»

2006

Воздушная тревога

Рядом с высотным домом растут березы – высокие, этажа до 8–9. На одной из берез висит уж несколько лет старая тряпка, заблаговременно сдутая с чьего-то балкона. Большая такая, чуть не половик – но тоньше, и под дождями-снегами уже истончившаяся в ветошь.

Под деревьями сидит кошка и спокойно жмурится на солнышко. Небольшой порыв ветра странным образом распутывает тряпку и она, повиляв краем, вдруг снимается с ветки и отправляется в полет. Ветер заставляет ее планировать по причудливой траектории, она медленно, кругами, снижается.

Кошка, разумеется, не замечает происходящего высоко в воздухе. Уже в нескольких метрах от земли тряпка прошла над ней и слегка мазнула тенью. И тут же хищно сменила

направление полета, спикировала на кошку, подгибая края. Не успевая убежать, кошка мгновенно валится на бок, не успевая повернуться на спину, всё же выставляет вверх все четыре лапы. Тряпка чуть-чуть промахнулась, но краем всё же захватила кошку. Та всеми когтями вцепляется в тряпку, рвёт её, шипя, отбрасывает и, невозможно извернувшись, ещё из позиции «лежа на спине» начинает рывок в сторону. Задние ноги ещё не успевают, зад просто едет на бедре, она почти уходит от неприятностей – но тут передние ноги запутываются друг в друге, она носом пашет землю у корней березы. Подскакивает, оглядывается...

Лежит мусорного вида дурацкая тряпка. Тихо веет ветерок. Никого нет. Кошка стоит неподвижно, потом встряхивается всем телом, слегка фыркает и очень неторопливо, совершенно индифферентно идет в сторонку. Ничего не случилось. Всем, кто что-то видел, просто показалось.

Я называю это настоящими манерами.

2006

Контакт

Часто спрашивают: вот, говорят, если б был возможен контакт с иным существом, встреча разумов, то как бы это к примеру было. Инопланетяне, иномирцы и прочие невозможные встречи. Проникновение эмоций и взаимное понимание разных существ. Возможно ли это? И чем бы это за-

кончилось? будет непонимание? война?

Я видел. Ничего особенного, между прочим. Ну да, единство душ. Да, миг полного понимания. А потом...

Было шесть вечера, декабрь, сумрачно. На улице снег, темнота, зима. У окна сидели жена и кот. Жена что-то читала, кот жмурился и дремал. И тут совсем близко от окна запела лазоревка. В темноте, зимой...

Они оба посмотрели в окно. Потом друг на друга. Посмотрели осознанно. Мысль была общей: поет – зимой? птичка? как интересно! И оба подались к окну – посмотреть.

Лазоревка замолчала. Опять посмотрели друг на друга. Мысль была общей: мы понимаем друг друга! все понятно! Понимаю его движение и интерес, сам(а) такое же чувствую.

Два существа встретились. Понимание произошло. Кот, как существо мудрое, стал постепенно вновь погружаться в дремоту, ну да, встретились, это отлично, теперь можно вздремнуть. Жена была заинтересована в продолжении контакта: она достала игрушечную мышку, жуткий полупластмассовый муляж, который ей, наивной, всучили в магазине со словами, что это игрушка для кошки. Этот ужас, пахнущий пылью, она протянула коту и ласково подтолкнула к его морде – играй, мол.

Кот взял мышку в рот, пару раз передвинул там и тщательно положил перед женой. На, я сделал это, как ты хотела. И, встав, удалился с кровати. Спрыгнув, обернулся и мысль на искаженных горькой печалью была опять общей: ведь пони-

мание было! мы понимали друг друга! так зачем ты впихнула мне эту мерзость? Теперь всё. Опять повела себя как непонимающая ничего, опять стена.

В случае контакта с нечеловеками, полагаю я, будет то же самое. Вовсе не будет такого, чтобы прямо уж невозможно понимание. И не будет, чтобы понимание было легким. Будет трудно. А потом мы поймем друг друга, а потом разойдемся, потому что – ну нельзя же так, разумные. Это нехорошо, а какой контакт лажа-нули, какой контакт...

2016

Когда в голове чужая мысль

Приехав домой, узнал, что кот стал гипнотизёром. По крайней мере жена уверяет, что у неё в голове возникла мысль, что животных в морозы надо усиленно кормить, и она поняла, что это – не её мысль. Видимо, мороз резко обострил способности кота.

2013

Санкюлотские истории

Неуязвимый Беккер

В конце 1980-х я работал рабочим сцены в московском театре-студии имени Гнесиных. Таким образом я старался снискать себе средства к жизни – зарплаты младшего научного катастрофически не хватало, и я устроился в театр на 42 рубля в месяц. Планируемое увеличение моего бюджета чуть не в полтора раза вдохновляло и заставляло с особым тщанием выполнять мои театральные обязанности. Я был причастен искусству при деньгах и на ответственной работе.

Команда рабочих сцены была молодая, поскольку прежняя команда, состоявшая из пяти зрелого возраста мужчин и работавшая на этом месте лет десять, была полностью уволена, когда выяснилось, что весь реквизит пропит, а ставить декорации приходится актерам, ибо рабочие сцены всегда находятся в неодушевленном состоянии. Тогда главному режиссеру театра, бывшему клоуну (почти все главные режиссеры – бывшие клоуны. Что за профессия такая? Может, они и еще на какие начальственные посты годятся?) пришла в голову светлая мысль нанять вместо старых пьяниц молодых образованных ребят. Так мы в театре и появились. Уточнения в план главного внес завпост, наняв вместо пяти мужи-

ков двоих студентов и меня. Для экономии средств. Только главному он почему-то все время говорил, что нас пятеро.

Одной из самых тяжелых работ было открывание и закрывание оркестровой ямы – она была перекрыта бревнами метра в четыре длиной, и их приходилось таскать туда-сюда. Особенно неприятно было, когда яма нашими усилиями раскрывалась – стоило неловко качнуться, и тот из рабочих, кто стоял с бревном в руках на узеньком бортике, отделяющем яму от зрительного зала, с тем же нелегким бревном летел внутрь, в путаницу пюпитров. Хрен бы с ними, со сломанными пюпитрами – искусство рабочего сцены заключалось в том, чтобы не оказаться при этом под бревном. Бревно крушило оркестровый реквизит в мелкие досочки, а кряхтящий рабочий выбирался из ямы, потирая синяки и ссадины. Счастье избавления от опасности обычно нарушал напарник, наблюдавший за всем этим с безопасного берега широкой сцены: «А ты подумал, как мы его оттуда доставать будем?»

Другим веселым участником наших работ был рояль «Беккер». Он был очень ценный, практически невозстановимый, и обращаться с ним стоило бережно. Он пребывал за кулисами почти все время, но иногда его следовало выкатывать на середину. Рабочих сцены было трое, и пока двое упражнялись в помеси кордебалета с тяжелой атлетикой, закрывая яму, третий должен был выкатить на середину рояль.

К сожалению, тот, кто должен был дирижировать нашим действием – заведующий постановкой, завпост, практически

никогда не бывал свидетелем наших усилий. У него была масса других дел – кажется, он успешно вел торговлю билетами, зарабатывая на машину. В отсутствии руководства наша работа теряла слаженность. «Беккер» был тяжел и обладал чудовищной инерцией. Я елозил за ним, упирался в пол и стены, толкал, силясь сдвинуть его с места – он стоял, как прибитый. Наконец, то биясь в него с разгону плечом, то давя тылом, я сдвинул его с места. «Беккер» пошел. Я еще несколько раз толкнул, он прибавил ходу, и я, повеселев, стал выруливать его к центру сцены.

Тут и выяснилось прискорбное обстоятельство, и даже два. Одно состояло в том, что мои ленивые коллеги не успели закрыть яму, аккуратно посредине она была широко раскрыта, и они тащили к ней очередное бревно. Другое – об этом я уже упоминал – «Беккер» обладал чудовищной инерцией. Я тормозил его, как мог, но он продолжал мчаться вперед, громящая на неровных досках сцены. Ребята заметались. Один крикнул, чтобы я лег «Беккеру» под колеса, однако я не последовал его совету. Я рекомендовал им положить поперек движения бревно. Однако слаженность действий оставляла желать лучшего: один из моих коллег по сцене бросил бревно и убежал за кулисы, второму бревно попало на ногу, он потерял интерес ко всему, сослепу кинулся под «Беккер», увидел его лаковый фасад, взвизгнул и отпрыгнул – уж чем он там прыгал, если ногой не мог шевелить еще два дня, я не знаю.

Я отцепился от «Беккера» лишь в самый последний мо-

мент. Я его тормозил, рулил и только что «тпру» не кричал. Игнорируя мои усилия и жалкий вес, «Беккер» величественно вырулил к раскрытой яме и со страшным грохотом обрушился в нее, дробя недобитые бревнами пюпитры.

Потом мы долго думали, как будем его оттуда доставать. Пришлось лезть на колосники, свешивать оттуда тали, звать все наличное мужское население, и под чутким руководством главного, который ритмично матерился, нам удалось вытащить «Беккера». Это действительно очень редкая, дорогая и незаменимая для музыканта штука. После падения в яму он, кажется, совсем не расстроился и ничего себе не сломал. Умели немцы делать. На нас рассчитывали, что ли?

Я называю это традицией.

2004

Ну конечно – штаны!

Написано много прекрасных театральных историй. Мне и думать нечего состязаться с ними, там – настоящие, классические театральные истории. Часто написаны литературно образованным человеком, завзятым театралом. Высокий стиль, ясный язык, старомодный изящный юмор. Знание истории театра, биографий великих актеров... Единственное, на что я надеюсь – на разницу точек зрения.

Есть авторы рассказов о театре, которые смотрят из зрительного зала, из ложи, с бельэтажа или же с галерки. Есть те,

что смотрят из-за кулис. У меня же строго противоположная точка зрения. Рабочий сцены видит все иначе, запах кулис слышен ему гуще, и он, в отличие от зрителя, является соучастником тех историй, которые происходят. Согласитесь, это совсем другое дело. Сопричастность к театру!

Глядя с этой особенно точки зрения, легко увидеть отличительный момент театральных историй. Ну, знаете – как в детективной истории – где труп или там кто убил, как в боевике – каким именно способом обиженный герой победит всю вражескую рать. А в жанре театральных историй говорится о том, как и у кого упали штаны. Часто кульминационным моментом действия здесь является то, что в некий момент у артиста спадают штаны. Возможны вариации – могут упасть у актрисы трусы и найтись как-то не вовремя, штаны могут упасть с солиста, а могут с режиссера – но все сводится к этому. Разумеется, есть некие подвариации, но все же основной элемент жанра именно таков. Поэтому свои заметки о том, как я работал в театре, я и назвал «санкюлотскими историями».

Законы жанра незыблемы, и жизнь, сколько бы ни пыталась она увернуться, всегда ляжет на ложе литературы. Вы можете проверить. Препятствием может послужить лишь ваше слабое знание литературы, а так – только в путь. Ну и надо точно знать, в каком жанре ты живешь. Чтобы не путать «кто любовник» и «труп под кроватью». Само собой, в нашей настоящей театральной жизни на сцене падали штаны.

Многие люди – от костюмеров до актеров – пытались этому препятствовать, но это было. Жанр...

Мы ставили «Фигаро». Сам Фигаро был малый лет тридцати пяти, высокий, жилистый, с очень курносом носом. Он любил немного выпить перед спектаклем и поиграть в шахматы. Зайдя в буфет, он затем отправлялся искать нас, рабочих сцены, и торопил нас с выполнением наших обязанностей. Деловито заманивал в подсобку, где мы, сидя на чудовищно пыльных, лет пятьдесят не разворачиваемых запасных занавесах, начинали турнир. Фигаро был азартен, ругался и хохотал, как Сильвер во время абордажа. Мы сосредоточенно рубились, и время шло быстро. Жертвы сопровождались такими криками, что было слышно на сцене, лады стучали о побитую доску как домино.

Обычно в самый ответственный момент партии, когда мысль была особенно напряжена, а всё внимание приковано к ферзю, около нас оказывался разъяренный главный. Как он умудрялся неслышно открыть скрипучую дверь в подсобку, пробраться между ящиками и найти нас, не обратив на себя внимание – вечная загадка, но он проделывал это не раз. С диким ревом он вытаскивал Фигаро из-за доски и гнал его на сцену, где уже пять минут куковала влюбленная Сюзанна.

Фигаро был худ и подпоясан желтым кушаком, который он собственноручно крепил каждый раз. Ему не грозило ничего. А вот Альмавива был у нас товарищ корпулентный, мужчина зрелый, опытный и чрезвычайно представитель-

ный. Граф, в общем. Кушаков он, кажется, не терпел, покушать любил и обходился выданным реквизитом плюс костюмерскими усилиями.

Началась известная сцена – Керубино прячется за креслом в спальне графини, граф в ярости его ищет, дамский переполох и проч. В середине сцены граф поет свою арию – а шелковые штаны из безразмерного реквизита, небрежно надетые в гримерной, коварно падают на пол. Граф остается в шикарном (издали) камзоле и семейных синих трусах.

Артистки (Розина и Сюзанна) и Керубино (наш педераст) пытались как-то исправить дело, то ли прикрыв графа юбками, то ли оттеснив за кресло, но он был выше этого. Опытный артист не испытал ни грана смущения. Он допел арию, провел мизансцены – объяснялся с Сюзанной, грозил Керубино, беседовал с графиней – всё в трусах. Величественно выходил на середину сцены, делал соответствующие графские жесты. Обещал страшные кары проказнику Керубино, если найдет его.

Потом он достойно вышел (в графском гневе), за кулисами отмахнулся от перебиваемых хохотом соболезнаваний и проследовал за новыми штанами. Едва он вышел со сцены, все следы эмоций пропали с его лица. Я уверен, что ему было абсолютно все равно, ходить в шелковых графских штанах, в обычных брюках, в трусах или без оных. Видимо, такой тон самоощущения достигается многолетней актерской практикой. Кто знает? Может, они у него в каждом сезоне падают?

Я называю это привычкой.

2004

Сюзанна: сделай сам

Падение штанов классично, стильно, одобряется жанром. Но в театре происходят гораздо более многопоследственные истории с одеждой, по сравнению с ними падающие штаны – это обыденный пустяк, на который настоящий мастер просто не обращает внимания. Пфуй, подбирать такой сюжет... Штаны! Упали и пусть лежат. Ну зритель посмеется – так он сюда и пришел, чтобы переживать радость и горе. Делов-то. Зато сам артист не испытывает от таких падений никаких серьезных неудобств. Ну разве что моральные... Если еще остались артисты с целыми соответствующими частями. Бывают вещи тяжелее, теряют больше иногда...

Дело в том, что артист, по странному капризу современной театральной моды, не может выступать в своем собственном костюме, в котором по улице ходит. Его для создания правдоподобия переодевают в костюм, загадочным образом соотносящийся с одеждой тех времен, к каковым относится действие спектакля. Правдоподобие не достигается, но зритель будет обижен, если не видит даже следов усилий по его созданию.

Короче, у нас шел «Фигаро». Репетировали все, ясное дело, как были – чего уж тут. Но на первое выступление в этом

году, по осени, надо было снаряжаться по полной выкладке. Мы, рабочие сцены, едва успели раскрыть оркестровую яму, забить на полагающиеся гвозди, расставить реквизит – как вдруг нас позвали в костюмерную.

Аврал. За лето у нас что-то произошло с Сюзанной. Я не отследил деталей – то ли прежняя Сюзон забеременела, то ли ушла в другой театр и эта была уже новой, то ли наша старая Сюзанна переотдыхала на юге и набрала пятнадцать килограмм – но только в платье Сюзанны она решительно не лезла. Ни, так сказать, передом, ни задом. Платье болталось в руках выбившейся из сил костюмерши, и терялось перед фигурой Сюзон, подобно дамской бальной перчатке перед могучей рукой каменщика.

Несчастный завпост, весь в мыле, жадно курил. Он был призван на помощь первым и минут десять пытался вмять Сюзанну в платье, но безуспешно. Платье слегка порвалось, Сюзанна была помята. Тут и вызвали спасательную авральную команду – нас, троих рабочих сцены. Мы должны были помочь. Мы были последней надеждой спектакля.

Мое проклятое прошлое отзывалось внутри нехорошими мыслями. Я по происхождению своему из биологов буду занимался поведением, дрессировал, так сказать, зверей. Точнее, изучал условные рефлексy у пчел. Из этих занятий с пчелами я твердо усвоил, что насильно ничего добиться нельзя. Можно только налить сладкого сиропчику и приманить непослушную особь. Создать, так сказать. Адекватный

биологии привлекательный раздражитель, и дело пойдёт само.

Созерцая Сюзанну, я поглядывал на платье и размышлял, чем Сюзанну можно в это платье заманить. Однако руководство операцией было в руках костюмерши. Оказывается, от нас не требовалось нетривиальных решений и работы головой. Все было просто. Платье накинули на Сюзанну спереди, выпростили потерявшиеся на необъятной спине веревки, и нам предложено было стянуть платье.

После первых двух попыток нам было доходчиво объяснено, что деликатность тут неуместна, что мы так до вечера провозимся, а первый звонок уже был. Так что надо работать всерьез. Один слабонервный студент удрал, сказавшись занятым на сцене, а мы с напарником уперлись коленями в сюзаннин зад и что было сил потянули веревки.

Моряком я никогда не был, тем более на парусном флоте, но думаю, что некоторый опыт приобрел. Сюзанна билась под ногами, как палуба в шторм, и стонала. Веревки резали руки, платье трещало – оно, кстати, было по недосмотру сделано не из парусины. Но кончилось все хорошо. В несколько дружных рывков мы стянули Сюзанну до платяных размеров, завязали веревки морскими узлами, дернули все это дело для страховки несколько раз и убедились, что не упадет.

Костюмерша осталась ругать Сюзанну и приводить ее в чувство, а мы пошли перекурить и вытереть честный трудовой пот. Потом настало время идти за кулисы, следить за све-

том, занавесом, сменой реквизита и, между делом, за ходом спектакля.

Сюзанна была удивительна. Перетянутая, как батон ливерной, она была багрового цвета и пела как-то странно, определенно с чувством, но каким-то не таким. Не влюбленным, что ли? Впрочем, я не театрал. Судя по аплодисментам, публике нравилось. Передвигалась милая Сюзанна несколько скованно, что вполне могло быть расшифровано как девичья робость. Что ж, оригинальное решение образа Сюзанны, я так это называю.

Настоящим шоком для меня стал выход пастушек, которые, если помните, идут поздравить Фигаро и Сюзанну. Стайка милых девчушек должна легко выбежать на лужайку перед графским замком, с венками и цветами, напевать и увенчать... Видите ли, старик Аристотель писал, что по настоящему человек может понять только то, что он сделал своими руками. Глубокая мысль, и оправдывается опытом. Сюзанну я делал сам, и меня ее вид не удивил. А кордебалет пастушек у себя в раздевалке обходился своими силами...

Оказывается, дура-костюмерша летом догадалась сvezти все тряпки в стирку. До этого они пять лет жили так, и все было хорошо. А она, из-за какой-то чистоты... Все костюмы сели. Так сказать, в разы. И девочки, все с хорошими габаритами – уж поверьте – обходились своими силами. Они это сделали, оделись. На них были маленькие красные и черные корсажики, такие миленькие на пастушках, и коротень-

кие юбочки. В зависимости от расположения главного центра тяжести пастушек проперло в разных местах. Иная сверху выглядела почти как пастушка – ну, скажем, мать пятерых детей, но сзади уже не была ничем прикрыта, поскольку вся ткань ушла прикрывать бюст. Другая шла, и сзади все вполне прилично, платье почти закрывало трусы, но спереди недостатки ткани сказывались, корсажик терялся где-то у пояса, а выше воздвигались... Холмы прохладной пены... Нет, как-то иначе... В общем, в стихах это было прелестно.

Худощавый Фигаро крепился как мог и старался смотреть на Сюзон. Опытный Альмавива, столь сдержанный в вопросах собственного туалета, тут оказался слабоват и беседовал с пастушками гораздо дольше, чем следовало. Главный шипел из-за кулис, Альмавива блаженствовал, пастушки тихо матерились и терпели.

После спектакля главный устроил всем разнос, похвалил рабочих сцены за оперативное вмешательство и смелое решение проблемы, и дико ругал костюмершу. Набираясь понемногу театрального опыта, я понял, что костюмы не надо стирать. Никогда. Если будут деньги, стоит купить новые. Но это фантастика – деньги, да еще на костюмы... Этого не бывает. И поэтому их просто не надо стирать. Они от этого лучше сидят. Я называю это экономией.

2004

Первый выход...

Хорошим тоном считается, когда работник считает именно свою работу самой важной, самой необходимой для общего дела. Лично я скептически отношусь к этому пережитку коллективизма. До общего дела, то бишь спектакля, мне дела нет, и я охотно признал бы рабочего сцены совершенно неважной деталью великой театральной машины. Там есть грозные главрежи, шустрые помрежи, ответственные завпосты, истеричные примадонны и величественные басы. Пусть их будут главными, но... Тяжкий опыт работы убедил меня, что рабочий сцены вынужденно оказывается центральной фигурой.

По крайней мере так часто случалось в нашем театре. Это рабочий сцены совершает различные действия с реквизитом, он строит мир, жить в котором будут актеры. Актеры на виду, их видит зритель... Чувствуете? Вам ничего не напоминает? Некто строит мир и уходит за кулисы, а потом всякий люд в цветном платье голосит со сцены. Кто здесь самый важный? Без кого всего этого бы не было?

Вот из детства своего вспоминаю я поход в театр. Это было в семидесятые, в Большом. Шел «Фауст». Мефистофелем был артист немалого роста и вообще – крупный. В одном из актов сцену занимал огромный храм с величественными, через всю площадку, ступенями. Выше громоздились ворота,

арки... Из-за кулис энергично выбежал Мефистофель, с разгону прынул ногой на нижнюю ступень, чтобы начать арию... Весь храм – две трети сцены, – содрогнулся и поехал. Вот вражья сила! Мефистофель, конечно, петь начал, продолжая удерживать ногу на ступени, но ему пришлось прыгнуть на другой ноге два-три раза, чтобы сохранить позу в условиях рывками удаляющегося храма.

Кто всё это сделал? Кто создал величественный храм из фанеры и папье-маше, кто натянул все тряпки на каркас ворот? И кто, наверное, не раз предупреждал врага рода человеческого – не дергайся, не в конюшне, это ж реквизит, тут плавно надо, душевно... Но лукавый не слушал, и вот результат.

Надобно сказать, что театральные реквизиты – это вообще отдельная тема. Поведение его непредсказуемо, ибо мы творим театральные миры из уже готовой материи, вечно готовой сломаться. Эта ее слабая устойчивость иногда и приводит к явлению демиурга. Помню, на одном из первых моих спектаклей обнажилась яма. То есть эти неумелые оркестранты то ли громко заиграли, то ли неловко повернулись, – а только со стенки, которая отделяет зрительный зал от оркестровой ямы, упал бордюр. Это здоровенная такая штука, три метра длиной, три доски сбиты вместе поребриком, сверху все обито ватой и красным бархатом. И вот эта дура с грохотом обвалилась в зрительный зал.

Зритель сидит, в ус не дует. Нет бы поднять, приладить...

Главный меня подозвал и велит идти в зал, поставить бордюр. Я пытался что-то сказать – мол, не готов к выходу, надо б хоть за день предупредить, я бы как-то... Иди, и все. Я ему – ну хоть в антракте, что ж посреди действия. Фигня, говорит, и еще разное говорит, и нервный он сегодня, и вот еще бордюр упал последней каплей – иди, поднимай.

А работали мы в условиях очень антисанитарных. Человек на 90 % состоит из воды, а реквизит театра – на 90 % из очень пыльных тряпок огромного размера. Занавес – это еще ничего. А есть еще бесчисленные задники, есть та безразмерная подстилка, которую на сцену стелят, и еще какие-то чехлы, скатерти, половички... Перед работой я переодевался, натягивал старые штаны, оставшиеся от школьной формы. Была такая, древняя, синяя, дико прочная – ничто ее не брало. Вот эти штаны, характерные для облика девятиклассника, на мне и были. В них хоть в пыль, хоть во что – не жалко. Ну и рубашка была – рваная и цвета многослойной пыли.

Артисты что-то драматическое показывали, зал аж притих, жевать перестал, оркестр тревожно так грянул и примолк... Тут из боковых кулис выхожу я, двигаюсь к середине сцены, спрыгиваю на пол в зрительный зал и деловито начинаю тягать бордюр. Зритель за мной следит, затаив дыхание.

Что там у актеров заело, не скажу, может, им тоже любопытно стало, но они свою мизансцену тянут и тоже на меня глядят. Так что я – в центре внимания как сцены, так и зала. Видимо, сыграл роль древнейший инстинкт: люди очень лю-

бят смотреть, как другие работают. Если б актеры работали, на них бы тоже смотрели. Но они как-то... Короче, работал я, и внимание невольно потянулось ко мне.

Что делать – вошел в роль. Вперевалочку подошел к этому бревну в бархате, ухватисто так его подхватил, подволок к стенке оркестра, один конец приложил, как надо... Тут дело какое: та дурная стенка – толщиной сантиметра два-три, и на ней хитрым образом укрепляется та дура, что у меня в руках, три сбитых доски, совместной шириной сантиметров 12–14. То есть ее закрепить надо, ловко уложить. Один конец положил – а как другой приладить? Мы это всегда вдвоем делали, в одиночку не справиться. Пока один конец кладешь, все нормально, пошел другой прилаживать – этот упал.

Ну, я зрителя посолидней из первого ряда выдернул, дал ему в руки конец бревна, пошел за другим. Вместе мы легко бордюр подняли, на стенку поставили, этак лихо, по-рабочьи прихлопнули, чтобы крепче было... Отлично получилось. В это время актеры что-то играть начали. Но весь зал наблюдал за нами.

Мы очень живо работали, с чувством. Кто-то сопереживал мне, но большее внимание досталось тому солидному дяде из зрителей. Я не ревную – действительно, у него получалось хорошо. Невзирая на пиджак, он пузом объелозил весь пыльный бордюр, прилаживая его покрепче, что-то там внизу подковыривал, чтоб лежало устойчивее... Отлично сработал.

Когда бордюр лег на место, я хотел просто удалиться в ближнюю кулису, но мой напарник пошел за мной с рукой, раскрытой для рукопожатия. Не знаю, я в театре недавно, кажется, после удачно сыгранной сцены актеры не обмениваются рукопожатиями?.. Это только потом, на бис когда. Или надо было?.. В общем, я смущенно ушел за кулисы, всем своим видом выражая – не благодарите меня, дело обычное.

Я называю это хорошей работой.

2004

Р-реквизит и тяжелоактриса

Я уже говорил, что самое важное на сцене – это реквизит. Это не шутка, я точно знаю. Вот, например, столь надоевший мне «Фигаро». Там в первой сцене Сюзанна вертится перед зеркалом, беседует с графиней о каких-то пустяках. Реквизита всего ничего – окно, зеркало, пара стульев...

Зеркало – это из беленых стальных труб диаметром три сантиметра сварная конструкция, вроде ворот в парке – с виньетками, загогулинами и прочими стальными излишествами. В середине у нее такой пустой овал, загогулинами не заполненный, напоминающий чем-то вид на сельский туалет сверху. Это отверстие надо забрать фольгой, чтобы было как зеркало. Правда, фольга мятая и пыльная, но зритель должен чувствовать, что у его воображения есть опора, и поэтому фольгу, от спектакля к спектаклю всё более рваную, надо

обязательно туда вешать.

Варили эту продукцию тяжелого машиностроения по личному заказу главного на каком-то дружественном театру заводе. Инженеры хорошо продумали все завитушки на двух квадратных метрах поверхности зеркала Розины, но не догадались об одном. Эта штука была плоской – то есть все трубы одна над одной, конструкция высотой больше двух метров, – и ни одной подставки, откоси-ка какого, ножки, чтобы это дело опереть и чтобы оно стояло.

Поэтому, предоставленное самому себе, зеркало падало. Ущерба сталь не несла никакого, но тот из рабочих, на кого приходилось хоть краем этого счастья, запоминал особенности зеркального устройства надолго. Чтобы Розина могла вытворять свои дамские штучки перед зеркалом, его прислоняли к кулисе – стояло оно почти отвесно и как бы само по себе, но снизу в сцену я вбивал гвоздик сантиметров на 7, оттого зеркало не уезжало по полу и держалось. На этом самом гвозде.

Что такое гвоздь, все и сами знают – из мировой литературы и поэзии. А что такое завпост, знают все театралы. Так вот, у нас, рабочих сцены, регулярно пропадали гвозди. Молоток у нас был – один на весь театр, очень старый, ржавый, с выскакивающей ручкой, его все стеснялись унести и потому он жил при сцене. Гвозди – дело другое.

Один раз завпост купил мешочек гвоздей. Они загадочно исчезли – ну что ж, у всех квартиры, дачи, мужики вокруг

хозяйственные. Завпост с дикими стонами о потраве кассы театра купил еще горстку, оставил у себя в столе и выдавал по одному. Однако возвращать гвозди в прежнем количестве мы ему не могли – то этот ценный инвентарь погнется, то в щель сцены провалится, то вообще как-то потеряется без особых причин. Увидев, что горстка гвоздей в три дня истаяла наполовину, завпост решил, что жизнь нужно принимать, какая она есть, унес гвозди домой, а нам приказал обходиться тем, что есть. «Что вы, безрукие, что ли? – спросил он своих подчиненных в нашем лице. – Походите вокруг, поищите. Люди на улице деньги находят, а вы что – пару гвоздей не можете найти?..».

Через пару дней почти все гвозди пропали. Стойко держались только три гвоздя, громадных, ржавых, кривых, на которых никто из хозяйственных театральных работников не льстился. Эти три гвоздя были для нас очень дороги, без них встал бы весь производственный цикл. Безразмерный напольный ковер, которым застилали сцену, полагалось прибавать по краям гвоздями, чтобы держался внатяг – а то артисты спотыкались и говорили нам разные нехорошие слова. В отсутствие гвоздей мы обкладывали его по краям тяжелыми грузилами, спертыми с колосников – каждое по десять кило, запросто не сдвинешь. Но спереди, у самого края сцены, на глазах у зрителей положить тяжелые свинцовые чушки – этого наша трепетная театральная душа вынести не могла. И мы тратили каждый раз два гвоздя, чтобы укрепить

передок этого напольного ковра.

Последний, истинно золотой гвоздь, полагался к зеркалу, которое без него, как это я уже говорил, падало – либо съезжало по кулисе вниз, ловко подсекая стоявшего перед зеркалом в коленки, либо рушилось на него сверху, глядеть на что без содрогания было невозможно.

И вот настал черный день, которого мы, работники сцены, ждали давно. Куда-то задевался последний гвоздь. Мы закрепили ковер, обрушили на себя тонны пыли и опустили задники, выпустили боковые кулисы, подняли занавес, поставили окно и пару стульев – особо-театральных, тоже из беленых сварных труб, весом как бронированный мерседес. Неужели в замке Альмавивы жили с такими стульями? Бедный феодал... Зеркало закрепить было нечем. Я просто прислонил его к кулисе, чтобы не съезжало, и отошел, не дыша.

Перед спектаклем я отловил Сюзанну. Я смог остановить ее внимание, хотя она все время порывалась то доругаться с одной актрисой, то договориться с другой о каком-то Олеге. Улучив мгновение, я овладел вниманием Сюзон и объяснил ей ситуацию. Хорошенькая головка актрисы решительно не могла вникнуть в проблемы, связанные с отсутствием гвоздя. Я чувствовал, что близок третий звонок, а она ничего не понимает. Я решительно взял ее за плечи, слегка потрянул и запоминающимся тоном сказал: «Будешь вертеться перед зеркалом – не трогай его! Даже не прикасайся! Поняла?» Актриска мотнула головой и облегченно убежала в гримерную.

Пошло первое действие. Сюзанна мило распевала, мотаясь по сцене, беседовала с графиней, подобралась к зеркалу, стала прихорашивать шляпку на буйно растрепавшемся парике... У всех есть рефлекс. Сюзанна была актрисой, но при этом, к сожалению, женщиной. Она стояла перед грубым переплетением стальных труб, в середине которых корчилась мутная фольга, вокруг были пыльные занавески, и я же говорил ей...

Всё было забыто. Она пела, поправляла куделяшки, шляпку, повернулась раз и другой, а потом взялась за зеркало, чтобы как бы повернуть его под более удобным углом. Это штуку килограмм на восемьдесят, из труб – повернуть... Зеркало, до того державшееся на моем честном слове, легко качнулось вокруг оси и стало падать на Сюзанну.

Дальше работали уже не женские, а общечеловеческие рефлекс. Убежать она бы не успела – ее бы припечатало к сцене. Она смогла, пока наклон зеркала не стал критичным, ухватить его – и встала перед ним. Руки вытянуты вверх, как у штангиста – она держала зеркало. Жалобно повернувшись к своей визави, она продолжала партию, хотя чувствовалось, что вес – немалый.

Они с Розиной довели дело до конца. Обычно после этой сцены опускают лишь легкий занавес, быстро меняя пару стульев на стол, но тут был опущен главный занавес, глухой, и наша команда рабочих отправилась избавлять тяжелоактрису от ее груза. Мы взяли на себя зеркало, завпост – ак-

трису.

Как она ругалась – совсем не интересно. Как ругался завпост – тоже. Что думал зритель – просто скучно. Интересно-го я вижу в этой истории только одно. А именно – никаких гвоздей нам никто не дал и мы продолжали потом обходиться теми двумя, еще не потерявшимися. Сюзон злилась, но за зеркало уже не хваталась.

Я называю это обучением.

2004

Стол, бокал и манеры

После долгих и мучительных постановок «Фигаро» главному пришла в голову счастливая идея – решительно обновить репертуар, поставив «Пиковую даму». Насколько я понимал, решающим основанием для этого судьбоносного выбора было наличие стола.

Стол для «Пиковой дамы» – все равно что треуголка для Наполеона. За столом играют в карты, вокруг него блестящие офицеры, вся эта незнакомая карточная терминология... Абцуг и апелляция, вскрышка, вызов с онерами, инвит и консоляция... запрещенный фазер... Да. Стол был, и отличный – но, так сказать, в потенции.

Он пребывал в сарае во дворе театра. Собственно, он занимал собой весь сарай, ибо был действительно огромен. Щурясь в паутинные углы сарая, завпост сказал, что стол

привезли, когда сарай еще не был доделан. Стол затащили и потом достроили стену сарая и крышу. Несколько театрального реквизита по углам сарая помещалось только потому, что стол был круглый, а сарай – квадратный. В свободной квадратуре валялась какая-то ненужная рухлядь, давно сгнившая, но стол был цел: огромный, больше 5 метров в диаметре, из цельных бревен.

Главный был главным и стоял на идее «Дамы» намертво. «Дама» без стола не могла никак. И потому нам, троим рабочим сцены, надо было сквозь январскую пургу доставить столовое чудовище через двор в здание театра и на сцену.

Отделить от него удалось только ноги. Эти бревна мы перенесли отдельно, а саму столешницу поставили на ребро и докатили до боковой стены театра, выломав сараю стену. В боковую дверь театра стол не лез – пришлось выломать панели стены (удалось – вдумчиво строили, понимали, что театр – штука разборная) и втащить стол внутрь, попутно обдирая все выступающие из стен занавеси, крючки, засовы, петли и штукатурку. Сам стол несколько не пострадал – как был огромный и щелястый, весь в каких-то рубцах и запилах, так и остался. Кто и зачем его раньше топором рубил, не пойму. Но не дорубил.

Мы вкатили его на сцену, поставили в центр, пришили ноги: «Даму» можно было ставить. Стол накрыли какой-то необъятной пыльной попоной, которая будет играть скатерть. Поставили на него бутылку, которая будет играть

дорогое вино.

Труднее было найти стаканы – ну не из чайных же, гра-
ненных, взятых из буфета, гусарам пить? Все же отыскались
какие-то бокалы странного и, возможно, дореволюционно-
го вида. Кого они играли раньше, сказать трудно, но были
они изнутри и частично снаружи покрыты липкой несмыва-
емой бурой гадостью. На этом субстрате произрастала жизнь
– какая-то изумрудно-зеленая плесень длинными волокнами
вросла, по-видимому, прямо в стекло. Попытка сполоснуть
оживила плесень, та еще пуще зазеленела, и вид у бокалов
стал совсем зловещий. Кто-то предложил помыть всерьез, но
запускать пальцы внутрь бокала никто не вызвался.

Что делать? Против жизни не попрешь. В бокалы плесну-
ли воды, которая сквозь буро-зеленые стенки отлично игра-
ла вино. Пахло это хозяйство так, что тот из рабочих, кому
после проигрыша в шахматы выпадало волочь это на стол,
держал бокалы на вытянутых руках, борясь с тошнотой, под-
бегал к столу, шлепал реквизит рядом с бутылкой и убегал
отмывать руки.

Квалификация актеров была значительно выше. Им при-
ходилось сидеть за одним столом с бокалами, играя офице-
ров и в карты, нести вздор, молодецки прикладываясь к...
Как они это делали? Специфика таланта. Я не раз наблюдал,
как артист недрогнувшей рукой брал один из бокалов, под-
носил к губам и делал вид, что жадно пьет. При этом, едва
оторвавшись, произносил требуемые ролью слова, даже не

даваясь. Железные люди.

К столу и бокалам полагалась, собственно, еще одежда – форма всяческая гвардейская. Главный подорвался, и форму пошили. Она была разных цветов – мундиры малиновые, небесно-голубые, темно-зеленые, но все – из того материала, который идет на солдатские шинели. Не знаю, может быть, из зала были видны мундиры, но метров с пяти-семи зрелище было жутковатое. Что-то вроде малиновой телогрейки... Про то, как сидели штаны, которые играли панталоны, на людях, которые играли офицеров, я не скажу ни слова – раз истории санкюлотские, имею право.

Особенно подводило наших железных актеров неумение в этих мундирах жить. Как ни вешали на них густые эполеты, звезды орденов и всякие висюльки, сразу было видно – с этим мужиком ты вчера ехал в переполненном автобусе, этот не дурак поддать, а тот затюкан женой и зарплатой. В общем, не гвардейский у них был вид, хотя терпение и стойкость просматривались. На дворян, не то что столичных, но хотя бы непоротых, реквизита явно не хватало.

Из чистого любопытства я поинтересовался у помрежа, как тут быть и как другие обходятся. Помреж поведал мне театральную байку: будто был при одном из театров еще в 1970-х один старичок из бывших, он и учил артистов ходить, сидеть, глядеть и прочее. После его выучки они чем-то от посетителей метро отличались и впечатление от спектаклей было приличное. А потом старичок помер, и теперь во всех

театрах так и играют, как есть.

Зато, напомню, люди очень профессиональные. Я просто не знаю, как можно было тот бокал к лицу поднести и запах вдохнуть – а они и на репетициях, и на премьере... По-моему, они даже пить из бокала бы смогли, если б надо было.

Я называю это отвагой.

2004

Концерт

Как-то зимой я работал в институте имени Гнесиных, рабочим сцены при оперной студии. Обязанности мои во время дежурств на концертах состояли в вытаскивании рояля, установке на сцене исполнительских стульев, давании первого, второго, а по согласованию с исполняющим – и третьего звонков, а также в ответственном ожидании конца исполнительской процедуры. В налаженном ритуале дежурств я изучал дебюты, увлекшись «Книгой начинающего шахматиста», быстро забывая лица исполнителей, – как их называли специальным термином, концертантов. Но один мне запомнился.

Он пришел очень рано, за час до начала концерта. Пришел и стал без усталости разыгрывать один пассаж, и я еще подумал: «Как ученик». Играл он минут сорок и, ворочая стулья, я успел хорошо его рассмотреть. Он был низенького роста, за пятьдесят, толстенький, чистенький, его исполненное

щек лицо украшалось огромными выхоленными бакенбардами, напоминая немного дореволюционного городского, как их теперь обычно рисуют. Его сюртучок имел огромные отвороты – шире плеч, и был украшен затейливого вида пуговичками. Лицо его во время этой репетиции выражало полную серьезность и как бы даже усиленность.

Расставив всё, я дал первый и второй звонок, дворническим взглядом обвел пыльную сцену и направился к концертанту в уборную, куда он удалился после репетиции, чтобы согласовать время третьего звонка. Он сидел в крохотной комнатухе на какой-то легкомысленно надломанной табуретке и смотрел в окно. Я спросил: «Можно давать третий звонок?» Он повернулся ко мне и сосредоточенно задумался. Лицо его озарялось борьбой страстей, и думал он долго, но наконец решился. Поднял голову и с видом кидающегося в омут человека сказал: «Можно!..» Я пошел и дал третий звонок.

Шло время – он не выходил. Публика сидела тихо, но, постояв минут десять, я все же пошел к нему. Он нервно управлял свой сюртучок, а увидев меня, сорвался с места и вышагал из комнаты. Я удивленно посмотрел ему вслед и только тут понял: он волновался! Все артисты, которых я до сих пор видел, относились к выступлениям более чем спокойно, изредка – честно-уныло, как к привычной работе, чаще – наплевательски, но волноваться...

Я вышел из комнаты и убедился, что до сцены он не до-

брался. Встал сбоку за кулисами, сопел, оправлялся, одергивался – но всё

очень серьезно и достойно. Было тихо, и я не стал его торопить. Наконец, собравшись, он вздернул голову и с усилием, но решительно двинулся вперед. Его начищенные до ослепительного блеска ботиночки сверкали, бакенбарды топорщились: четко вышагивает, спина прямая – он вышел, печатая по-военному шаг, гулко отдававшийся в зале. Он объявил, что будет играть, и сел за рояль.

Я ушел в подсобку к моим шахматам и отключился, но в конце первого отделения до меня донеслись крики «Браво! Бис!» Меня это удивило. Обычно просто хлопают, и – неужели он так хорошо играет? После антракта я отправился в зал.

Он был почти пуст. Человек 30–40 терялись среди рядов пустых кресел. Лишь посредине зала теснилась группка людей – как я понял, жена, две дочери и какие-то родственники и знакомые исполнителя. Как только он кончал очередную вещь, жена его начинала громко хлопать и кричать «Браво!» Хлопанье подхватывали следившие за ней знакомые. Жена эта относилась к тем женщинам, чья профессия или по крайней мере социальный тип был виден сразу: обычная советская продавщица. В музыке она, видимо, не понимала ничего – один раз она начала хлопать в паузу, смутилась, заметив, что ее никто не поддерживает, но на укоризненный шепот окружающих произнесла: «Но ведь он так замечательно играет!..»

Это точно, играл он ужасно. Чрезвычайная старательность и серьезность портили даже простые места, и еще ему очень не хватало техники. Он сбивался с ритма, брал не те ноты... И вдруг он объявил одну из самых сложных вещей для рояля; Лист вообще сложен, а он избрал «Паганини». После паузы и традиционных аплодисментов он замер над роялем, я – в крайнем кресле... Конечно, он не справился. Сложные аккорды тонули в хаосе случайных звуков, мелодия просто заглушалась шумовым эффектом. Делал он это не намеренно: он как раз серьезно старался взять правильно и всё, но пальцы с силой били не туда...

Обычный концерт кончается в девять вечера. В полдесятого в холле скопилось уже до сотни участников репетиции детского хора – дети, родители, оркестр... Он всё играл. На бис. Зал был уже пуст, лишь его жена с дочерьми сидели – и после каждой вещи он бисировал. Директор рвал на себе волосы и наконец, не выдержав,

попросил меня пойти на сцену и передать ему, что время концерта истекло, что сцена нужна другому коллективу...

Я отказался, и директор на меня здорово надулся. Но концертанту никто не мешал, и кончил он лишь в четверть одиннадцатого. Жена поднесла ему огромный, закрывший его с головой букет хризантем. «Всё как у настоящих!» – говорило её красное лицо.

Он ушел со сцены, маленький, прямой и серьезный, утопая в цветах. Ботинки его по-прежнему немилосердно бле-

стели, и только шаг он уже не печатал.

Я бы назвал это упорным противоречием планам мироздания.

1984

Истории желтые, как рябчики

Кефирный воробей

Напротив Мосфильма остановка автобуса. Рядом с остановкой – квадратная коробка с кефиром, верх отрезан – видно, какая-то сердобольная душа для кошечек постаралась. На край коробки садится воробей и наклоняется, пытается пить кефир.

Падает в коробку, барахтается, коробка кренится и валится на бок. Вытекает кефир и вываливается воробей. Весь в белом. С него течет струями кефир, он слипся и совершенно потерял птичий облик. Из этого слизистого комка высвобождается тоненькая спичечная лапка – и воробей пытается себе пальцами протереть глаз.

2006

Кто свиснут попугаем – берегись!

Зашел в зоомагазин. Стою на ступеньках там внутри, осматриваюсь. Рядом клетка висит как бы пустая. Дальше прилавок и витрины, ряды клеток... и тут в ухо мне как свиснут. Там в клетке живёт попугай. Попугай очень серый, и

стена за ним серая, так что попугая не видно. Но он расположен в очень удобной позиции для свиста в ухо. Он и свистит, и так громко, что приводит посетителя в полное ошеломление.

Я от попугая укывлял глубже в магазин, и пока приходил в себя – в магазин другой мужчина зашел. Он тоже остановился, приостановился, повел взглядом – и тут же был свиснут попугаем с чудовищной силой. Попугаю удалось. Выражение лица у мужика было совершенно неопишваемое, я уверен, что выглядел много лучше и достойнее.

Мужик ошарашенно стоял без движения, и за это время ему на ноги успел написать хорек. Там рядом с лестницей жил хорек, и рядом стоял тазик такой для писания, но хорек в тазик не писал, он выбегал быстро на лестницу и писал под ноги и на ноги стоящему там посетителю, что много интереснее. И вот мужик как раз замер, и хорек чудесно ему написал на брюки.

Они с попугаем в паре работали. Хорька мужик не заметил и побрёл себе дальше в магазин мокрым следить и приходить в чувство, я же, озаренный идеей, посмотрел на свои брюки. Вроде ничего, но все же лучше бы отсюда уйти.

2009

А сколько у неё лап?..

Провинциальный зоомагазин. В нем живёт писючий хо-

рѣк. Весь день он спит в своей корзиночке, временами смотрит на проходящих посетителей, зеваает во всю пастюшку вылезает, идет на проход и люлит там огромную вонючую лужу, после чего снова идет спать в корзиночку. А посетители хлюпают по этому природному подарку.

Еще там живѣт свистучий попугай. Он в клетке, серый и сливается с серой стеной, не очень заметен. Когда посетитель оказывается рядом, попугай оглушительно свистит. Женщины подпрыгивают, мужики трут ухо и говорят разные слова, попугай же ожидает следующую жертву с неосторожными ушами.

А еще там живѣт сова-сипуха. С плоским монгольским лицом, она днѣм, разумеется, спит. На передке еѣ клетки укреплена коробочка малая с надписью: *на корм для сипухи*. Подойдя, опускаем монетку. Сипуха слегка приоткрывает глаз. Опускаем вторую монетку. Сипуха вполне просыпается и очень заинтересованно смотрит. Еще монетка. Сипуха начинает танцевать – вытягивает одну ногу, раскрывает противоположное ноге крыло, затем меняет распрямленные конечности. Четвертую монетку сипуха пытается схватить клювом прежде, чем еѣ положат в коробочку.

Обычно же, не вдохновляемая подающим, сипуха спит. Спит она, поджав одну ногу до полной неразличимости, так и стоит на одной ноге. Снизу, под клеткой, прикреплен большой лист бумаги, на котором огромными буквами черным фломастером от души написано: «У сипухи ДВЕ лапы». Ви-

димо, вопросы, вопросы...

Через несколько дней ниже этого листа оказывается добавлен еще один подклеенный листок: «А вторую она ПОДЖАЛА».

2006

Растворение голубей

Люди ведут себя весьма неожиданно. Как угадать следующую реплику? Скажем, южный город. Идет женщина через площадь, на площади фонтан. У фонтана решетка, на ней сидят голуби и пьют.

Один из голубей оступился и упал в щель между бортиком фонтана и решеткой, выбраться не может, трепыхается в воде. Женщина подходит и начинает того утопшего голубя доставать. Достала, держит в руках, пытается отчистить, голубь совершенно очумелый от купания. К ней подходит другая женщина, секунду смотрит на это и говорит: «Нет, он не растворится!» – и уходит.

Ну что делать-то. Непредсказуемость как она есть.

2014

Полезьа от этологии

В некоем магазине завелся крошечный котенок. Едва двух-

месячный. Подобрался на улице и, чтоб не мотался среди товару, плача и гадя, был посажен в клеточку с половичком. В общем, магазин, холодный пол, чужие ноги, тонкая тряпочка на полу клетки – и испуганный котенок, который порывается бежать из клетки, плачет, мявит и всячески объясняет, что ему плохо. Продавщицы, которые его подобрали, не дав пропасть, кормят – но он мявит.

Идетя на ближний блошиный рынок и у старушки покупается мягкая игрушка-котенок, который при нажатии пищит. Игрушка, бывшая в многолетнем употреблении. Игрушечный котенок мохнат, мягок. Игрушечный котенок приносится в тот магазин и отдается продавцам с наказом – посадить в клетку к котенку.

Через время новое посещение этого магазина. Продавцы с упоением рассказывают историю. Кот уже подрос и того игрушечного котенка облюбовал неимоверно. Как ему дали – перестал пугаться и плакать, спит по сю пору только в обнимку, изгваздал страшно, так что игрушечного уже стирали и пока он сох – кот опять вопил. Вернутый игрушечный котенок принят, с ним живой кот и ест, и спит, и играет, и давит лапами, чтобы тот мяукал и пищал. Котенок (живой) вырос вполне жизнерадостным и не трусливым. Страхи забыты, носится по торговому залу, будучи выпущен. Сидит в клетке, будучи заперт – и как можно чаще возвращается к общению с игрушечным котенком.

Солдатские шутки у чаек

Сидят рядами на парапете над рекой, высматривают – ну, что... рыбку, наверное. То одна, то другая тихо спрыгивает и подкрадывается сзади к другой, сидящей, и сильно клюёт её в задницу. Та с противным криком падает в речку. Ну, конечно, немного брызг – и плывет, потом взлетает и садится на парапет. И так снова и снова, одна за другой. Видимо, «играют». Шутят они так.

2009

Облом главы семейства

Дело было в Московском зоопарке. Я смотрел в вольер с обезьянами – их семейная стайка мирно бытовала на лужайке с маленьким прудиком. Самки сплетничали и искались, во все стороны носились дети, дико вереща, а чуть поодаль восседал здоровенный самец, не обращающий на суету внимания. У прудика даже были мостки – как бы для прыжков. Самец решил, что в этот жаркий денек неплохо поплескаться. Встал на самом краю мостка и решил немного повыделываться – ну, самки там всякие, смотрют... Надул грудь, несколько раз взмахнул руками, стал примериваться...

В это время крохотный обезьяныш со страшной скоро-

стью пролетел к самцу и врезался ему под коленки. Самец ухнул и нелепо упал в прудик плашмя, подняв тучу брызг. Ошалело приподнялся. Гомон тут же затих. Мокрый страшный самец начал разворачиваться, а глупый обезьяныш сидел на краешке мостков и скалился, глядя на его смешное положение.

До громоподобного извержения самцового гнева оставались мгновения, но мамаша успела. Кинулась к малышу и, не тратя времени на пустяки, просто запулила его в отверстие домика – он туда влетел мячиком. Самец с рёвом выбрался на берег, полный решимости отстоять своё поправленное с мостков достоинство. Даже солнце скрылось, небо стало тучным, принахмурилось.

Самка кинулась к самцу, стала перед ним буквально танцевать, махать руками, чтобы он сквозь пелену гнева обратил на нее внимание. Он начал вглядываться – что это тут перед ним мельтешит? – а она тут же обняла, стала успокаивающе бормотать, искать, перебирать ему шерсть... Самец пытался разогреть справедливый гнев, но чесаться лучше сидя. Он уже и присел, всё еще иногда взрёвывая, но самка самым утешительным образом его оглаживала, перебирала шерсть на голове, и солнце вновь показалось из-за тучки, и лужайка вновь загомонила, помчались прихваченные матерями в середине игры малыши, и пакостный обезьяныш стал опасливо выглядывать из домика...

Самец отмяк, но оставался самым мужественным обра-

зом суров и мрачен. Мало что искупаться не дали, так и отцовский гнев не смог должным образом разразиться, весь внутри изошёл. Как хотите, а мужчине это обидно. Да. Когда чешут голову, это, конечно, приятно, но есть всё же некие принципы... О них самец и задумался, задрёмывая на солнышке.

2005

Они видят

...видят людей скорее как этаких гибких плавно извивающихся существ. Голоса людей слышны кошкам, как мы слышим под водой – такого же тона бурление. Эти голоса являются основой для симпатии и антипатии – некоторые звучат слишком визгливо и не нравятся, а у других есть приятные обертоны и они симпатичны. Друг в друге они видят прежде всего глаза, смутно – пасть, а также когти и хвост. А у людей в колышущихся плавных движениях туловища им еще вырисовываются щупальцеобразные руки. С точки зрения кошек это именно щупальца, таков характер движений людских рук.

...видят в искаженной перспективе – всё высокое видно узким у основания и расширяющимся к вершине, так что высотные дома выглядят для птиц как грибы. И видят звуки в виде жестких кустов, как бы состоящих из пружин – жесткие упругие спирали звуков. Птицы видят как бы цветочные

пятна, проросшие плоскостями магнитных полей, кустами звуков и вырастающими деталями – телескопическое зрение дает эффект смазанных пятен с резко увеличенной областью четкого зрения.

...ночные бабочки видят в основном фейерверки света, мир для них заполнен огромными гипнотизирующими фонтанами огня. Летящая навстречу бабочка, например, разбрасывает при каждом взмахе крыльев на половину зрительного поля яркие всполохи, а свет фонаря затопляет вселенную огненным жаром.

2010

Студенческие истории

Пальма и лимон

Лекции по высшим растениям в университете у нас читал истый джентльмен – профессор Тихомиров. Лектор он был очень хороший, знал предмет удивительно глубоко, и нельзя сказать о его лекциях ничего плохого. Кроме того, что он непрерывно будил в студентах низменные инстинкты.

На лекцию он являлся при галстукe, белой рубашке и лаборантах. Они несли целый сноп наглядных пособий: всякие старые книги, картины, листья, шишки... И фруктификации. В качестве таковых выступал то крошечный, чрезвычайно злого цвета лимон, то маленький нескладно округленный апельсин. Были и прочие дары природы, которые профессор приносил из ботанического сада. Тихомиров был директором Ботсада МГУ и использовал вверенные ему теплицы для произрастания наглядных пособий.

Высокий худощавый профессор, окинув аудиторию льди-сто-безразличным взором, сообщал перед перерывом примерно следующее. Студенты теперь люди низкоразвитые, только что от сохи – самые продвинутые, а остальные – только с дерева. Вот он, профессор Тихомиров, обыкновенно приносит на лекцию наглядные пособия. Дабы улучшить

усвоение с трудом вталкиваемых в студентов знаний. Они никому не нужны, эти пособия, вот посмотрите – он делал широкий жест. Это же только примеры, нужные для усвоения... А стоит лектору выйти – всё пропадает. Я, говорит, обычно провожу с курсом опыт. Я сейчас удалюсь на перерыв, а когда я вернусь, будет очевидно, да какого уровня вы развились. Вы сами выставите себе оценку. Станет ясно, кто вы такие.

С этими словами профессор мерно направлялся к выходу из аудитории, чтобы войти в нее ровно через пять минут – такова была его всем известная манера.

Стоило ему скрыться за дверью, как с ревом толпа студентов бросалась к столу перед кафедрой. Сметали все. Кто-то с ужасающим выражением лица жевал злой лимон. Кто-то дрался с тремя другими жаждущими за апельсиновую жмак-лю, зажатую в кулаке. Кто-то пытался съесть мясистую шишку и потом долго отплевывался. Кто-то свою шишку лушил, добывая съедобные семечки. Одна девушка выбиралась из толпы, прижимая огромный пальмовый лист, отбитый у подруг.

Через пять минут профессор входил в аудиторию. На столе лежали только слегка растрепанные книги. Профессор обводил нас взглядом твердым и презрительным. Все сидели, притихнув, невинно сложив руки на столах, и только позади одной девушки возносился огромный пальмовый лист. «Вот видите, – говорил профессор удовлетворенно. – Вы сами вы-

ставили себе оценку. Единственное, чего я не могу понять – это зачем вы это делаете? Ведь это совершенно не нужно...». И профессор начинал лекцию.

Мне всегда казалось, что вопросы не должны оставаться без ответов. И если преподаватель говорит, что нечто ему неизвестно, мой долг как начинающего исследователя попытаться выяснить, что осталось скрыто от предыдущих поколений ученых.

Зачем ели лимон, я узнал быстро. «Жрать хотелось до безумия, а тут какие-то фрукты пахнут... И вообще все побежали, стали хватать – жаль, что только лимон достался, но все ж...». Такое объяснение я смог получить у лимонопедальца. Зачем дрались за апельсин, я спрашивать не стал – ответ был очевиден. С шишками тоже, в общем, ясно, если применить элементарную экстраполяцию. Но вот пальмовый лист...

Я внимательно следил за девушкой, но есть его она не стала и другим не позволила. Попытался прямо узнать, но ответа не получил – девушка меня попросту отшила. То ли я ей не понравился, то ли пальмовый лист так на нее повлиял... Пришлось заняться делом всерьез. Я долго и с крайне переменным успехом ухаживал за ней, и лишь значительное время спустя добился, наконец, своего. Я узнал.

«Конечно, чтобы потом сжечь на нем учебник по высшим растениям. А ты не знал? Все так делают. После экзамена берется этот учебник, с этими жуткими формулами для каждо-

го семейства, и торжественно сжигается. На пальмовом листе. С библиотекой потом трудно, требуют замены, но надо это сделать», – объяснила она. Я поинтересовался, почему нельзя использовать для растопки газету, например. Да и в самом учебнике, раз он уже предназначен всесожжению, много страниц – вполне можно сжечь его на нем самом. «Но это не стильно», – ответила она.

2004

Сова и пенек

Существовала в давние годы на Биологическом факультете такая Дружина охраны природы. Студенты в выходные дни выбирались в подмосковные леса, запоминали птиц, сидели у костра и всячески вживались в образ полевых биологов.

Так начинается эта история – вполне пресно и ни к чему интересному не обязывающе. Но необходимость правит миром под маской случая, и поэтому всё началось с такого вот обычного студенческого кружка.

Чтобы птичек в лесу распознавать, надо учиться, и потому были организованы специальные семинары. Что может быть естественнее? Энтузиазм студентов поддержали преподаватели, и вот один из них, умудренный птичьим опытом, проводил для дружинников занятия. После обычных лекций они собирались в аудитории и чинно слушали о различных

видах птиц. В качестве наглядного пособия использовались тушки. Это, надо сказать, не совсем чучела – они такие довольно плоские, тяжеленькие, и только головы с острыми клювами торчат.

И вот сидят на одном из занятий ряды студентов-дружников, внимательно пытаясь различить меж собой разных сов. Занятие было посвящено совам – и это имеет совершенно особенный смысл. Если вы по прочтении рассказа прикинете, что было бы, если б говорили о воробьях или трясогузках, вы поймете, что не было бы просто ничего. Но – рука судьбы – речь шла о совах.

Совы же – птицы побольше воробьев будут, и тушки у них весомые. А клювы очень острые. И вот преподаватель достает одну сову особенно большого роста и начинает про нее рассказывать. И дабы развлечь студентов, использует живость речи и метафоры. И говорит, что «сова летает, как пенёк». Что именно в полёте совы хотел он отобразить этим образом, я не знаю, но дальше воспоследовал результат, которого он добивался: студенты развеселились. Кто, хихикая, представлял летящий ночью пенёк, кто-то веселился по иному поводу, а одна девушка, развеселившись, вспомнила о веселой странности своей подруги, с которой она вместе сидела прямо перед преподавателем с его совой. Подруга до ужаса, до патологии боялась пауков, а наша веселая девушка – как кстати – украла с занятия по беспозвоночным огромного заспиртованного паука. Совпадение, не правда ли?

Преподаватель тем временем продолжал свой рассказ, не подозревая, что ему осталось сказать всего несколько слов, последних. Препод вызвал добровольца, чтобы тот подержал сову – тушки-то тяжёленькие, и ему еще рассказывать, и некий достойный юноша вышел вперед и встал рядом с преподавателем, а тот увлёкся, и всё продолжал говорить, но было ясно, что он вот-вот отдаст сову добровольцу – он её уже воздел повыше, чтобы показать ещё раз из своих рук перед отдачей.

Развеселившаяся девушка тем временем достала паука из сумки и положила его своей подруге на волосы – вот смешно! Он такой здоровый, волосатый, желто-красно-черный, тропический... Подруга через секунду ощутила что-то в причёске – ну как всегда, бумажку какую-то сунули, – и сняла «бумажку» рукой. А руку поднесла к глазам – что за бумажка?

Случай вертит судьбой, как захочет. Они совпали – веселый голос преподавателя, почтительно замерший добровольец, воздетая сова – и дикий, нечеловеческий вопль.

Та девушка, что подложила паука, упала со стула на спину, причем стул при этом разломался на куски. Рука преподавателя дернулась, он уронил сову, и та острым клювом впаялась в голову добровольца. Клюв пропорол кожу на лбу, и по лицу окаменевшего добровольца потекла кровь.

Паук улетел куда-то в сторону. Безумный крик наконец затих. Препод медленно осматривался, силясь понять, что случилось – лежит сломанный стул, замерла на полу в нелепой

позе девица, душевное равновесие которой крик порвал, как Тузик грелку. Доброволец в крови. Сова на полу. Студенты с белыми лицами замерли в разных позах. Что это было?

С минуту стояла мертвая тишина. Никто не двигался. Преподал медленно багровел. Потом он резко захлопнул коробку с тушками и сказал, что уходит и больше никогда не вернется. И действительно – быстро вышел из аудитории, на ходу подобрал с пола сову.

Студентами овладела какая-то обессиливающая грусть. Все тихо, скованно собирались, кто-то сдавленно перхал. Даже выяснять друг у друга, как всё это случилось, ни у кого не было сил – крик самым натуральным образом вышиб дух у всех. Больше у этой группы семинаров не было – преподаватель отказался наотрез.

Если взглянуть на цепь причин – во всем виноват преподаватель. Если бы он не пошутил насчет совы и пенька, летящего во тьме, все не развеселились бы, веселая девушка не вспомнила бы о пауке и не догадалась пошутить...

Во всем судьба здесь веет явно: каждое из действий было либо сознательным, либо закономерным и произвольным. Но цепь неизбежностей сплелась столь крепко, что я не представляю себе, как бы это могло быть иначе. Эта история шла прямо к цели с самого начала.

Я считаю это неотвратимостью.

2004

Загадочный мотив

Когда мы учились на 5-м курсе, в нашей группе была одна прекрасная барышня. Фатум судил ей заниматься систематикой клещей, а поскольку барышня была прекрасна, занималась она ею с огромным увлечением. Собирала она их, определяла, препараты делала многосложные, виды описывала – в общем, всё очень серьезно и с неподдельным энтузиазмом. И вот с лета она вернулась со здоровенной бутылкой из-под шампанского, в которую были запузирены манюсенькие пробирочки, в коих лежали заспиртованные клещи. Бутылка, разумеется, была залита по горлышко 98 % спиртом, а каждая пробирочка тщательно заэтикетирована. Прекрасная барышня очень гордилась своей бутылкой, всем её настоятельно показывала и объясняла, в каких особых местах эта мелкая погань собрана, сколько тут потенциальных новых видов и как она из этого дела будет печь статьи.

В некое прекрасное утро барышня явилась к нам в слезах – кто-то украл её бутылку. Горю не было предела – пропали статьи, сборы, научная карьера, диплом, счастье и самая прекрасная жизнь. Барышню утешали, бормотали что-то дурацкое – «да не переживай ты так, было б из-за чего», что вводило барышню в истерику. «Было б из-за чего!! Ты с ума сошел!!!»

Трагедия разрешилась часа через три. Когда барышня,

пританцовывая, влетела в аудиторию, гордо помоная огромной бутылкой. Радости её не было предела – нашлись сборы, статьи, диплом, научная карьера и самая жизнь, наконец. Бутылку она нашла за батареей в коридоре. Наполнителя – спирта – не было, но все пробирки с клещами были на месте. Барышня их тщательно перебрала, каждую вспомнила и над ней порадовалась. Одно отравляло её существование – полное непонимание ситуации.

Еще несколько дней она донимала нас этой историей, пересказывая ее в лицах раз за разом и дивясь людской глупости. Представляете, ценнейшие сборы клещей, потенциальные новые виды, тщательно этикетированные – неизвестный злоумышленник почему-то оставил. А пропал только спирт. Вот глупость, вот странность – зачем же было красть? Что он хотел? Почему не взял клещей? Если, усовестившись, вернул – отчего слил куда-то спирт? Полная загадка.

Надо ли говорить, что ей предлагали объяснение. Оно было отвергнуто как нереалистичное. Спирт? Пить? Из-под клещей? Зачем? Не лучше ли выпить хорошего вина?..

Потом я не раз вспоминал эту историю. Когда в музее рабочие выпили пипу суринамскую, лет сто стоявшую в своем исходном спирте в смеси с формалином, я вспоминал эту историю. Пипу, кстати, культурные рабочие не выбросили и не использовали как закуску (что невозможно, уверяю вас), а бережно водворили внутрь пустотелого бюста Чарльза Дарвина. Когда мой знакомый расплатился с оказавшими услу-

гу рабочими бутылкой метанола, я вспоминал эту историю. Рабочие, кстати, на следующие день пришли – скажем так, работать, – и нареканий не предъявляли. Когда мы, в замечательный праздник 8 марта, столь любимый поэтами, и в не менее замечательный праздник нового года, добавлялись спиртом из-под коллекции вьетнамских многоножек, я вспоминал эту историю. Кстати, многоножки послужили материалом для диссертации и нареканий не вызвали.

Не лучше ли выпить хорошего вина?..

2005

Неразгаданная тайна: бермудский треугольник в аквариуме

Случилось это на студенческой практике, на биостанции. Были избраны студент и студентка, которые должны были отловить в ближнем болоте дитискусов, посадить в аквариум, наблюдать и дать другим отчет о наблюдениях. Для профанов можно пояснить, что дитискусы – это жуки-плавунцы.

Они, то есть студент со студенткой, отправились на болото, весь день ковырялись в грязи и воде, наловили несколько жуков и доблестно принесли в помещение лаборатории, в аквариум. Вся группа радостно осмотрела объект будущих наблюдений. Наутро отправились в лабораторию, предвкушая научные наблюдения, однако аквариум был пуст – ни одного дитискуса. Аквариум, разумеется, сверху был накрыт

марлей... Может быть, они съели друг друга? а последний съел сам себя? Взял он саблю, взял он востру...

Делать нечего. Студенты отправились на болото и весь день в холодной воде... Наловили жуков и принесли в аквариум. На следующее утро – нет дитискусов. Студенты стали подозревать друг друга в неуместной сентиментальности. Подозрение пало на одну девочку, которая позволила себе раз-другой сказать «какие они лапочки, что ж вы их поймали». Девочка пищала и оправдывалась: одно дело жалкие замечания, другое – преступное отпускание жуков.

Это жизнь. А что делать? Горемычные, пошли студенты на болото и там в холодной грязи... Студент со студенткой по примеру братьев из конька-горбунка решили ночью сторожить злоумышленника. Посадив тварей в аквариум и продемонстрировав это всей группе, ушли – и тут же вернулись, сев в засаду в ближних кустах. Лаборатория после ухода студентов опустела, в сгущающемся сумраке виднелось крылечко домика.

Всю ночь они несли службу – ни один не заснул, но мучались ужасно. Сидеть на телогрейке среди мокрых кустов всю ночь – не очень приятно. В лабораторию никто не входил. Даже не приближался. Утром они, стуча зубами, вошли в помещение – разумеется, дитискусов в аквариуме не было.

Пришлось бросить эту тему. Наблюдения за повседневной жизнью плавунца окаймленного остались не сделанными. Открытий чудных не свершилось. И кто пёр дитискусов

из лаборатории – тоже не известно. Это жизнь. В детективном рассказе обязательно бы всё раскрылось, а так – кто ж его знает.

2006

Макаронная полихета

На Беломорской биостанции студенты Биофака ловили всякую живность и определяли – под зачет. Надо было определить столько-то видов по таким-то классам – и зачет сдан. Первокурсники с восторгом тискали нежных гребневиков, почтительно созерцали крабов, ловили медуз. Разумеется, всем хочется поймать нечто редкое и необычайное, которое никто не ловил. Определить, и выяснится: это новый вид! Ну, по крайней мере для Белого моря. Или хотя бы впервые пойманный на данной биостанции. Тоже очень хорошо. Хотя почти никому не удается.

Сбор материала – самое интересное дело. Это же охота! Беспозвоночных ловят сачками, свесившись с пирса, отплывают подальше от берега на лодке, копаются в кучах водорослей на литорали... Всегда попадается много полихет, морских червей с множеством ножек, разного цвета, с всевозможными отростками – у них и усики, и на каждой ноге по какому-то щупику, и сам червь длинный и извивается – словом, полная красота.

Определять всё это хозяйство трудно – в определителе

указано, на какой ножке какие должны быть отростки, нарисованы какие-то сложные формы, вырезки, гребни, шпоры... Не видно этого ничего. В круге бинокюляра лежит белая нить, и где в ней эти выросты... Но энтузиазм требует, и тихонько ворочая нить препаровальной иглой, постепенно вглядываясь, находим – вот же они, ножки, вот и вырезки, усы-то, усы... Вот они!

Кто-то вызвал общий смех, заснув на бинокюляре. Ночи студенты проводили у костра – кто же спит на Белом море? И вот не выдержал, опустил голову на бинокюлярные наглазники и отрубился на час. Потом очнулся, поднял голову – вокруг глаз сине-багровые круги.

Девичьи вскрики по поводу тонкостей полихетного строения звенели в лаборатории. Все находили у себя под бинокюляром чудный новый мир, зарисовывали в альбомы, кричали друг другу беспозвоночную латынь. Добравшись до нужной тезы, одна за другой студентки (ну, и студенты тоже, а куда же...) выясняли, что перед ними лежит, чудесное и морское, длинное, обычно белое, и лишь редко слегка отсвечивающее...

Энтузиазм, если его много, заменяет природу. Одной из девушек попался длинный белый червяк, и как она его иглой ни вертела, понять не могла совершенно ничего. Студентка была не из успевающих, она привыкла, что то, что другие делают легко и быстро, у нее вечно не получается по таинственным причинам. Она долго смотрела в учебник, на нарисо-

ванные выросты, гребни и впадины, дергала и переворачивала червяка под биноклем препаровальной иглой... В конце концов преподавателю был представлен рисунок, вполне адекватный виду, к которому он относился, красивым почерком написана латынь под рисунком. Проверая, преподаватель взглянул в бинокль и обнаружил там зверски раздраженную, всю изрезанную на какие-то фигурные финтифлюшки макаронину. Особенно впечатляла одинокая, сиротливо торчащая сбоку, но выглядящая в точности как в определителе пароподия. Студентка стальной иглой просто вырезала в ней нужные признаки...

Ее высыпали из пакета, сварили в столовой, потом ее ели, но недоели, потом смыли с тарелки в таз, выплеснули в море, она поплыла на простор, рванулась... но была поймана, посажена в банку, выложена под бинокль и жестоко изрезана иглой. Нужные признаки морского червя были на ней просто вырезаны, благо мучнистое тело податливо. Макароны под конец жизни обрели индивидуальность и звучное латинское имя.

А преподаватель сказал, что это лучшая ошибка сезона. В прошлое лето одна студентка пыталась сдать ему рисунок водоросли в качестве мшанки, но чтобы сделать из макарон полихету – решительно, это лучшее в этом году решение.

2004

Вечноловимый краб

Практика на Белом море у студентов Биологического факультета состояла, в частности, в том, чтобы наловить всякой беспозвоночной живности, принести в лабораторию и определить. Студенты-первокурсники с восторгом созерцали нежных гребневиков, крабов, полихет; внимание уделялось даже баянусам. Это были настоящие, дикие беспозвоночные, не лабораторно разведенные, а собственноручно пойманные.

Первой жертвой, как всегда, стал краб. Биостанция имела кораблик, который швартовался к пирсу; первые же шустрые студенты полезли под пирс, увидели на мелководье краба под камнем, с воплями кинулись, поймали – дурачок даже не пытался убежать, схватили за панцирь и, посадив краба в банку, всей толпой помчались в лабораторию – хвастаться, показывать и определять дикое беспозвоночное.

По дороге им встретился преподаватель; тут же был окружен, заговорен, обкрикан и в морду крабу показан. Скорбное лицо преподавателя заставило чуть приутихнуть, и стали слышны разъяснения. Краб всегда жил под пирсом, на одном и том же месте, на глубине локтя. Его все на биостанции знали, любили и подкармливали. И каждый раз приезжающие студенты его хватают, тискают, тащут... Бедный краб.

Устыдившиеся уносят краба к берегу – теперь уже почти-

тельно, без ора. Краба выпускают там, где поймали, он тут же бежит к своему камню и под него залезает, ничуть не смущенный дурацкими проделками молодых позвоночных.

Через месяц курс уехал, остались только самые продвинутые, те, кто собирался поступать на кафедру беспозвоночных. Они собирались сделать это уже полтора месяца, были горды, неприступны и опыты. К пирсу подошел кораблик, выгрузил новых первокурсников – у этого отделения практика на Белом море начиналась месяцем позже. Толпа заполнила пирс, кто-то побежал к низким баракам, кто-то остался смотреть на море, еще минута – визг, гогот, краб пойман, в банке его несут в лабораторию, десятки рук тянутся к банке, теребят, показывают, какие у него удивительные клешни и усы... то есть антенны, антенны, я знаю...

Старослужащие беспозвоночники кидаются наперерез, перехватывают молодняк. Сурово его отчитывают, объясняют, что краб домашний, биостанционный, что абсолютно все его знают, и что вечно эти молодые его ловят. И сурово приказывают отпустить животное бережно и обязательно туда же, где взяли... И почтительная толпа несет банку на вытянутых руках к пирсу, и краб уверенно водворяется на свое место... Как всегда, дважды в год хлопоты, но место хлебное, пищи много, и участок приятный, и он никуда не уходит и садится под свой камень.

Так было всегда, дважды в год, пока была там биостанция и пока привозили туда студентов. Потом старый директор

умер, потом наступила перестройка, потом перестали привозить студентов, а потом и поддерживать биостанцию. Кораблик сгнил, но пирс стоит. Однако под ним уже не живет тот краб: объедки из студенческой столовой, ранее падавшие рядом с пирсом и служившие хорошей платой за беспокойство, исчезли, и крабу пришлось применить социальную мобильность и искать другого кормного места. К этому он тоже отнесся спокойно: конкуренция, поиски кормных мест и адаптивное вымирание в случае ненахождения такового диким беспозвоночным очень даже знакомы. У них вот уже чуть не три миллиарда лет сплошные конкуренция и рынок...

2004

Мобила сдохла

Беседую с девушкой, то и сё. Она говорит, что уже два дня ее преследует мысль о трехстах спартанцах, что-то она их все время вспоминает. Хорошо.

Далее я узнаю, что – ка-ак они стояли, сражались... с эти-ми... с турками.

Я машинально, не успев понять, поправляю – с персами.

Она говорит: да без разницы, в общем – с мусульманами.

Пока я перевариваю это сообщение и пытаюсь вылечить картину мира, девушка задумчиво продолжает сопереживать спартанцам.

А откуда он бежал-то? – спрашивает. – Там ведь кто-то

бежал...

Я бормочу, что – кажется, из Марафона в Афины, если ничего не путаю.

Она жалостливо вздыхает. Я готовлюсь сообщить дистанцию – мол, сорок километров, марафонская, сообщить о победе, но на взлете сбит ее замечанием:

– А что, позвонить было нельзя?.. А, да. Давно было.

И вот я не могу удержаться и говорю: Мобила сдохла.

2013

Логика в житейских ситуациях («Биофаковски ребята»)

Логика – вещь очень важная. Обычно считается, что она способствует научным рассуждениям и помогает победить оппонента в споре. Мне же представляется, что эти ее функции побочны, главное же в логике – то, что она чрезвычайно облегчает своему владельцу жизнь. Самые трудные ситуации удается разрешить тому, кто владеет ее приемами.

Сам я в такой степени приемами логики не владею, но не раз наблюдал ее животворное действие. Вот как раз вспомнился отличный пример.

Были мы тогда на Беломорской биостанции и при этом на первом курсе. Жизнь была очень насыщенной – дни были заняты учебными предметами, а ночи – всевозможными походами, кострами и потреблением спиртного. В этот плотный

график необходимо было включить общение с лицами противоположного пола, а еще – ну, мы же будущие ученые – проведение собственных научных изысканий. Короче, очень плотное было время.

Один из моих сокурсников вел в это время интенсивные научные исследования – изучал какое-то там распределение мышевидных грызунов в окрестностях биостанции. Для этого ему приходилось ставить линии давилок (таких особых ловушек), а затем обходить давилки и смотреть, чего же ему попало. Линий было несколько, давилки исчислялись десятками, так что эта работа занимала довольно много времени.

И вот, после очередного напряженного дня, он обратился к товарищам по общежитию с просьбой. Я, говорит, уже вторую ночь просыпаю, а мне надо в три часа вставать и ставить давилки. Сплю я очень крепко, будильника не слышу – вот такая досада. И попросил более чутких товарищей разбудить его в три часа. Он довольно подробно описал алгоритм своего побуждения: я, говорит, буду драться, сопротивляться, ругаться – не обращайтесь внимания. Будите жестко, надо меня обязательно поднять, а то я не поставлю давилки, рухнет запланированная работа... Ему клятвенно обещали.

Ночью, около трех часов, в общежитии наблюдалась общественная побудка. Скачала начали очень громко трезвонить будильники – как самого исследователя, так и тех четырех человек, которые решили ему помочь и тоже поставили

себе будильники. Все четверо встали, исследователь продолжал мирно спать, подтверждая свои слова о том, что такие пустяки, как слитный звон, не способны ему помешать. Четверо помощников исследователя натянули на себя треники и, ежась от ночного холода, начали будить своего героя.

Он был абсолютно честен и исполнял свои обещания по полной программе: дрался, ругался, сопротивлялся и засыпал в любой приданной ему позе. Шумная возня разбудила всех в комнате, и человек двадцать с интересом наблюдали за событиями, подбадривая отчаивающихся помощников и подавая им идеи. Исследователь был полит водой (жуткая ругань и тяжелые удары вслепую), посажен (удары ногами, пострадавшие отползают, смена бригады помощников на свежие силы), у него отнято одеяло (при этом сдвинуты целых четыре кровати – он вцепился в одеяло мертвой хваткой и тащили его вместе с кроватью, сметая остальных).

В конце концов бодрствующая и многочисленная сила победила одинокую спящую натуру. Исследователь сидел, морщась от холода, на залитой водой кровати, у него были открыты глаза и он больше не ругался, вяло повторяя: «Ну хватит, хватит, все уже...». Он потянулся за штанами и держа их в руках, заговорил очень спокойным и рассудительным голосом: «Смотрите, что получается. Если я сейчас пойду ставить давилки, то потом буду сильно хотеть спать. А днем меня преподаватель с занятий не отпустит, даже если я ему скажу, что всю ночь ставил давилки и не выспался. Не от-

пустит, поскольку я буду отпрашиваться для того, чтобы поспать. Если же я сейчас выплюсь, а преподавателю скажу, что прошу отпустить меня с занятий, чтобы ставить давилки для научной работы – он меня, без сомнения, отпустит. Так будет правильно». С этими словами он натянул на себя мокрое одеяло и улегся в кровать. Ошеломленные его логикой помощники сочли, что он дело говорит и, зализывая боковые ссадины, также отправились на боковую.

Наутро возмущенный исследователь грязно ругал своих незадачливых помощников, которые его не разбудили, сорвав все планы научного исследования. Никаких своих речей ночью он не помнил, не помнил ни процесса побудки, ни воды, ни ударов – ничего. Он мирно спал всю ночь, и его мерзко не разбудили. Часа через два, когда страсти слегка улеглись и исследователь стал способен воспринимать рациональные доводы, ему пересказали, чем он всех взял. Повторили его логичные мысли и сообщили, что по всеобщему мнению человек, говорящий так, с ясным лицом и открытыми глазами, просто не может считаться спящим, иначе вся наша жизнь – сон.

Исследователь выслушал свои ночные аргументы, выругался, сказал, что это не логика, а хрен собачий, что все поддались на провокации его спящего мозга и теперь уже давилки ставить незачем – график их постановки упущен безнадежно.

Я бы назвал это сном разума.

Быстрые и мертвые

Как делается наука, в общем, известно. Хотя... Когда смотришь на самое начало этого процесса, иногда замечаешь новые черты. В этом смысле интересно присмотреться к курсовым работам: вот они, самые первые и неумелые шаги. Легче всего здесь сказать, что они бывают ошибочные, что они нелепые и неловкие... А может быть, архетипические? Может, в студенческих ошибках вскрывается то, что глубоко спрятано во «взрослых» работах?

Как-то изучали в совсем серьезных работах реакцию насекомых на электромагнитное поле. Оказалось – да, реакция есть. Стремятся расположиться вдоль или поперек линий магнитного поля, предпочитают статистически достоверно углы 90 и 180. Что ж, экспериментальный результат... Потом выяснилось, что ошибка наблюдения: наблюдатель, фиксируя в журнале положение длинной оси тела насекомого, предпочитал (бессознательно) «осмысленные» углы, сбивал данные к углам, кратным 45 и 90. А потом выяснилось, если не ошибаюсь, что действительно насекомые электромагнитное поле чувствуют. Им это просто – все тело, считай, в механорецепторах, как заряженная пылинка ляжет, тут же ощущается. Дело тонкое.

Помню, был случай значительно менее серьезный. На ка-

федре была запланирована очередная курсовая работа – посмотреть, как будут вести себя различные насекомые во время суточного ритма. Контрольная группа затемняется и освещается как солнышко за окошком захочет, а опытная группа, конечно же, живет при круглосуточном электрическом, и вот интересно – будет ли активность к 24 часам приурочивать как-то или собьется у нее ритм к чертовой матери.

Выбрался студент, который тему взял. Решено было на этот раз сделать работу на божьих коровках. Студент должен отправиться на природу, наловить божьих коровок, принести в лабораторию, там пара ящиков с подсветкой, запустить контрольную и подопытную группы и снимать показания – приходить каждый час-два в лабораторию, смотреть их активность. Чтобы не дурить и не вникать во всякие движения щупиками, активностью принято считать попросту передвижение коровок по коробке. Пол разграфлен на квадратики с номерами, легко высчитывается, на сколько квадратов сместился меченый экземпляр, сиди-считай, в конце статистики накинь, и готовая курсовая. Литературу сзади, литобзор спереди, результат любой годится: хошь – не влияет на них лаборатория, внутренний ритм – потом разберутся, что у них за пейсмейкеры, а хошь – сбивается ритм, не помнят коровушки света белого.

Почти до самой защиты курсовой все было нормально. Студент собрал коровок, принес, посадил, следил, писал,

считал... Чуть не в день защиты выяснились детали.

Он собрал 11 коровок. 5 в контроль, 6 в опыт. Из шести у трех все время наблюдалась нулевая активность: не ходили коровушки днем, лежали себе ночью. Оказывается, мертвые были. И он активность этих мертвых коровок тщательно и скрупулезно подсчитывал и в статистику вносить не забывал. Очень интересные данные получились, но на защите возникли вопросы.

Почему же ты, горе наше, так мало коровок набрал? Разве не знал ты, чадо научное, что для статистики побольше надо? Знало чадо про статистику. Внятно вполне об этом говорило – и про хи-квадрат, и про любезного сердцу Стьюдента. Просто чадушко больше коровок не нашло, а искало оно их аж два летних месяца.

А как же тебе удалось, детинушка, за два летних месяца всего 11 божьих корок найти? Где ж ты их искал? А в еловом лесу, во темном да холодном ходил, под дождями ненастными. Так случилось, так уж вышло, и нету коровок во еловом лесу.

А что ж ты, детушка горемычная, мертвых-то коровок обсчитывал, движенница от них ожидал? А для чистоты опыта, граждане преподаватели, для чистоты необходимой: сколько поймал, столько в лабораторию и принес, столько в ящик посадил. Чтобы не было для статистики порухи, чтобы не выбрасывать из опыта данные. Что ж, что нули – и нули статистике годные, активность описывают, научные выводы де-

лают. Быстрые коровки по квадратикам бегают, мертвые коровки статистику нагоняют, всем дело находится.

Не убедили преподаватели чадушку что он что-то не так сделал. Произвольно работу не зачли, двойку поставили, и чуть не отчислять из университета хотят, негодные. Тут у студента отец нашелся, да и не пропал никогда. Отец – большой и ответственный, каким-то главком заведует, человек опытный и в жизни разбирающийся. Как узнал, что сына выгоняют за божьих за коровок пустяшных, позвонил завкафедрой, поговорил с профессором. И сказал он тому профессору: что ж вы, преподаватели негодные, сына моего калечите, учиться ему не даете? Кому как не мне знать, сколько сил он в ту работу вложил, как вместо отдыха с отпуском все дождливое лето по еловым по лесам пропал, дурацких коровок вам в угоду искал. Ладно, люди мы взрослые, давайте без глупостей. Человек я не маленький и могу много. Нужны вам божьи коровки – чего мальчика маять? Скажите мне, у меня филиал в Крыму, там их полно, мне по звонку по единому сотрудники наберут. Сколько надо вам, говорите поскорее, вам надо-то сколько? Хотите – десять ящиков? Нет? Могу двадцать. Вагон могу. Только скажите, сколько вам этих коровок надо.

А в том Крыму коровок много было, не соврал человек опытный. На Тамани тогда разводили тех коровок промышленно, на поля выпускать, от вредителей. А коровки глупые вместо полей в Крым летели, тучами на пляжи опускались,

на улицы. В волнах прибоей полоской качались, кое-где в полметра грядой собирались, дворники их вымести не могли, отдыхающие – сандалии обтирать не успевали.

От вагона божьих коровок завкафедрой отказался. Сын большого человека на факультете остался и потом благополучно закончил. Курсовую зачли – не буду врать, не думаю, чтобы эту, может, пересдал как-то, а может и эту – за владение статистикой, за старание, за честную работу.

Выходи в большой свет, чадо милое, наукой занимайся, пользу людям приноси!

2004

Тот, кто не верит в чудо, не верит в реальность

Давным-давно, еще до инаугурации, до дефолта, до инфляции, до революции, – в самом что ни на есть мифическом «тридевятом царстве, тридесятой эпохе», которую чудесным образом помнят одни и чудесным же образом не помнят другие, – был университет.

Студенты жили кто по домам, а кто и в общежитиях. Домашние студенты были обречены на скудное учебное существование, а дикие предавались всем опасностям свободы и соборности. Самым высоким общежитием был ДАС – конечно, и около «Литвы» зажигали, и в Главном здании чудили как могли, но ДАС предлагал для студенческой жизни совсем особые возможности.

Около «Литвы» жил мир хрущевских пятиэтажек, и максимально возможное чудо там состояло бы в появлении воды в душевой. В ГЗ царил сталинский неоклассицизм, и чудеса там были по образцу пятидесятых. Помнится, на 14 этаже высотки пьяный студент на спор решил пройти по наружной стене между окнами, сорвался и угодил в единственный на сто метров периметра мусорный бак, который к тому же только этим вечером был наполнен картонными коробками из-под телевизоров. Ни одного перелома. Даже не протрезвел. Легенда гласит, что то был философ.

В ФДС около «Литвы» шутили по-детски. Вешали пустые ведра около двери, чтобы выходящий ударился головой. Выключали свет в коридорах, одевали простыни и пугали коменданта, разливали воду в коридорах. В ГЗ вели интенсивную половую жизнь, перемежаемую семинарами по психологии и нетрадиционным практикам. А около ДАСа стояла больница «Кащенко».

ДАС был уже временем брежневского модерна с особенным, нечеловеческим духом – там было не холодно, не тоскливо и не безумно – там просто нельзя было жить. Этого просто не замечали, потому что очень много было народу. По пять человек на крохотные комнатухи... Мутный водянистый кофе в буфете, за которым любители стояли в очереди по два часа. Кухня с шестью огромными плитами, из которых работала одна – тремя конфорками. Только в ДАСе я наблюдал такие сцены: отправившись в гости к товарищу, я

обнаружил его в комнате, за двумя сдвинутыми вместе столами, на огромном листе ватмана он лихорадочно рисовал к завтрашнему дню стенгазету. А на соседней койке сидели двое молодых людей в черных костюмах, белых рубашках, при галстуках. Между ними сидела абсолютно голая девица, которая держала на коленях раскрытый «Плейбой», который все трое очень серьезно и уныло читали.

В ДАСе было голодно. Один мой знакомый организовал что-то вроде общества любителей мяса. Кто-нибудь из сочленов работал на мясокомбинате, и поэтому каждый вечер приносил в комнату кусок мяса. Его жарили, собирали членов клуба – недоедающих девушек, голодных поэтов, тоскующих без мяса музыкантов – и ели мясо. Поскольку музыкантов и поэтов было больше, чем мяса, право приходить в клуб давалось поочередно. Обычно член клуба ел мясо раз в неделю.

ДАС был очень высокий, десятки его этажей торчали среди пустыря. Здание опоясывали узкие, в 25 сантиметров, балкончики, выход на которые всегда был перекрыт изнутри. За окнами выла метель – учебный год, надо сказать, приходится в основном не на лето. Редкие трамваи позвякивали с одной стороны, огромный пустырь лежал с другой. Ходить под окнами ДАСа было некому – никуда не лежала дорога, не было такого места, куда бы надо было через этот пустырь идти.

Одной студентке из дому, из солнечных краев, где едят

еду, прислали гостинец. Два килограмма сала, настоящего соленого сала. И огромную курицу, чуть не под 4 кило весом. И сало, я уже говорил, но еще – курицу. Сало можно было есть так, а курицу можно зажарить, зажарить целиком и тоже съесть. Огромную вкусную курицу. Студентка решила устроить вечером пир. Она сложила сало и курицу в авоську и повесила ее за окно – холодильников ведь не было. На пятнадцатом этаже, на неприступной отвесной стене ДАСа, вьюга всем своим тридцатиградусным морозом раскачивала авоську с курицей.

К вечеру студентка вернулась в комнату, разыскав немного маргарина и сковородку, захлопотала по поводу наступающей еды, полезла за окно к примерзшей курице – и авоська оборвалась. Окаменевшая курица с салом рухнули вниз, во мрак. Через положенные свободному падению секунды снизу раздался дикий вскрик, тут же умолкший.

Студентка страшно перепугалась – уже не до курицы, ведь пятнадцатый этаж... Того бедолагу, который там зачем-то шел, наверняка убило. Она накинула пальтишко и кинулась вниз, через лифты, вестибюль, обежала здание – может, еще дышит, надо вызвать скорую... Тропинка под ее окном была пуста. Не было пострадавшего тела. Не было и курицы. Не было также и сала. Я бы назвал это предсмертным криком восторга.

Истории, частью истинно правдивые

Истории синие, как горечавка, про людей в естественных местообитаниях

Как я встретил Бриджит Бардо

Вчера зашел в сберкассу. Долгая очередь, понурые люди стоят, молчат... Вдруг с улицы вбегает женщина и начинает кричать: «Где у вас выход на итальянский банк?! Немедленно свяжите меня с ним! Я Бриджит Бардо! У меня тысячи миллионов долларов в банках по всему свету! А здесь что? Вы думаете, я оборванка какая? Как вы, что ли? У меня завод Рено! У меня завод Феррари! У меня миллионы в банках по всему миру! Немедленно свяжите меня с ними, я здесь больше не хочу оставаться!»

Ну, народ покосился на Бриджит и снова молчит. Дело понятное. Только один из всей очереди – совсем старый дед – то ли не дослышал чего, то ли представленья такие имеет,

но воспринял Бриджит и ответил ей, как полагается:

«А чего ты тогда здесь? Ну и езжай в свою Италию, а то понаехали здесь! Не нравится – уматывай!»

2005

Бабья жалость: капуста

Мужик в современных условиях – существо, условно пригодное для жизни.

Это все знают, только стесняются и жалеют сказать. Такая тайна – политкорректно об этом не говорить. Впрочем, уточнение надо сделать. Жизнь же делится на неважную часть, обеспечивающую собственно жизнь, и собственно жизнь. Дополнительная и вспомогательная неважная часть – это всяческая работа. Там мужик иногда из себя что-то представляет, потому что с ним там никто, кроме таких же, как он, не конкурирует. А собственно жизнь – это как раз важнейшая вещь, и там у мужика без защиты шансов нет.

В силу привычной политкорректности не все понимают. Я пример приведу чтобы наглядно.

Овощной отдел. Очередь. Дамы. Одна за одной подходят к продавщице и берут капусту. Мне вон тот вилочек... Нет, не этот, тот... Ниже... Да. С самого дна... Спасибо... Нет, что-то он как-то... Другой... Вот крепенький... Что вы его мимо обходите? Вон, говорю, крепенький... Да, давайте... А лучше нет?

Капуста строго отделена от покупательниц – потому что женщины выбирают капусту, как не всегда бриллианты, они ее мнут, жмут, проверяют на хрупкость и тугость, и дай им волю – били бы об пол для сравнения. Так что им в руки ценную капусту не дают, стоит продавец, женщина, конечно, мужик тут не сладит, и выдает кочанчики. А бабы клубятся, они роду всякого – какие проходящие, им без надобности, только глянуть наискось, какие всерьез стоят, а какие полу-покупательницы, они вообще-то разговаривают, но может и возьмут, если получится. Разного роду женщины, очень многообразны. К той продавщице женская очередь, в затылок ругаются, каждая выбирает минут по десять – нет, вон тот ко-чанчик, этот жестковат, этот желтоват, этот гниловат...

В общем, лирическое такое действие. И все, конечно, для проклятых жручих мужиков. Всё им, гадам, напожранье, оттого и усилия такие, а как же...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.